
ЮНЫЙ
НАТУРАЛИСТ
72
12

«ЗИМА».

Рис. А. Жабина

И КРАШЕ ТОЙ РОДИНЫ НЕТ...

Разматывая серпентину горной дороги, наш «газик» упрямо ползет в поднебесье. С каждой спиралью чахнет растительность, лысеют, оголяются горы. Рваные облачка лижут радиатор, от высоты захватывает дух, и страшат лихие повороты. Белозубый шофер закладывает такие виражи, что стонут, скрипят шины и наполовину зависают над бездной. И манит, и боязно поглядеть вниз, где в пенистой ярости мчатся в цветущие долины студеные потоки. Для водителя такая езда не в диковинку; и надо полагать, что уроженец гор в душе потешается над нашими страхами и опасениями. Он лихо осаживает загнанную машину на деревенской улице, что террасами карабкается по склону высокой горы. Здесь живут горцы — люди немного-

Научно-популярный журнал
ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году

словные и храбрые, песенные и гостеприимные. Горы порождают суровость и отвагу, удаль и доброту.

Поездка в горы была моей давней мечтой. Выросший на равнине, я грезил прочитанным в книгах, так и не представляя дикой красоты и неповторимости заоблачных высот.

В этом ауле я провел три дня. Многое поразило в незнакомом краю. Люди, открывающие дверь своего дома и свою душу желанным гостям, песни, вобравшие вековые раздумья о лучшей жизни, дома-крепости, встававшие на пути врага, стародавний, устоявшийся столетиями быт, мимо которого скользило время. Но картиной яркой и волнующей встает сейчас в памяти другое. Скорбные лица женщин в черном, приходящих с кувшинами за водой. Здесь, у источника, сложили из мшистых камней памятник непришедшим с кровавых полей. В небольшой этот аул не вернулись тридцать человек. Спустившись с гор, они уже не пришли сюда. Около источника я видел пионеров и седобородых старцев, не уставших ждать матерей и застывших в долгой памяти печальных вдов. Тогда я как-то особенно остро ощутил, насколько велика и как дружна наша большая советская семья. И горная деревушка не была первым откровением. Просто еще раз этот затерянный в горах аул, его тесная связь с матерью-Родиной дали новый повод к сопереживанию великого братства и общности.

Чувство семьи единой пришло в мир моих сверстников в пору короткоштанного, прерванного жестокой войной, детства. Закрываю глаза и вижу картины тридцатилетней давности. Идут и идут красноармейцы, измотанные тяжелыми боями... Воспаленные от бессонницы глаза, охрипшие голоса, лязг оружия, крики ездовых, отрывистые команды старшин. Тогда я поразился разноязыкой речи бойцов. Через деревушку, затерявшуюся в русских лесах, шли украинцы и башкиры, узбеки и грузины, латыши и киргизы. Шла в тяжелые бои великая армия великой страны сквозь нелегкий сорок первый год к победному сорок пятому.

На редкость злая зима выдалась в первый год войны. Стылые избушки давали приют сотням красноармейцев, но не могли вместить всех жаждущих обогреться. Наскоро приспосабливали сараи и бани, ставили навесы, чтобы укрыться от жгучего ветра и сурового мороза. Будто это было вчера, отчетливо помню: бывалый сибиряк, испытавший морозы и посвирепее, терпеливо втолковывает избалованному жарким солнцем узбеку, как правильно закрепить подшлемник, и, увидев побелевшую щеку южанина, торопливо растирает ее снегом. Мальчишеское любопытство споткнулось на нелепом вопросе: сколько же шел этот боец из Узбекистана сюда, на ближние подступы к Москве? Как-то и невдомек было, что бойцов привозят поезда, что дивизия где-то формировалась и маршем шла только по нашим местам.

Помню тихие слезы на морщинистых щеках моей тетки. Ее радостные причитания: «Господи, из какой дали пришли сынки! И говорят не по-нашему, а родные все, обогреть, накормить надо». Неунывающие кавказцы улыбаются тетке, благословляющей их крестным знамением. Рослый, волосы чернее ночи, осетин заливается смехом: «Да не верю я в бога, и другой он у нас». Мы, малыши, на теплой печке радостно шушукаемся, и от гордости распирает грудь. Нет, не одолеть супостату такую силищу!

Картина детства привиделась мне в горном ауле, когда я смотрел на памятник из мшистых камней и читал фамилии не пришедших домой. И как-то сомкнулись годы в единую нить, в яркое осмысление великого братства и общности народов Советского Союза.

Любимая Отчизна, привольно раскинувшаяся на двух континентах! Бескрайние леса и безбрежные степи, величавые горы и суровая тундра, знойные пустыни и полноводные реки, океанская ширь и голубизна морей — все уместилось на карте великой державы. Она не раз удивляла мир своими подвигами, она первой проложила дорогу человечеству к светлому будущему. Моя Отчизна первая бросила вызов темным силам капитализма и порвала цепи эксплуатации. Моя Родина на веку еще живущих поколений сотворила невиданное чудо — построила и отстояла в смертельных схватках социалистический строй, протянула руку дружбы и помощи всем угнетенным, явив всему миру доселе невиданный пример бескорыстия и братства.

Давайте мысленно вернемся в прошлые годы, оглянемся на героическую историю нашей великой страны, пройдем по славному пути наших дедов и отцов. Что ни страница летописи, то подвиг народов-братьев, пример искренней дружбы и пролетарской взаимопомощи.

Канун Великой Октябрьской революции. Лоскутная царская империя, десятки наций и народностей под властью двуглавого орла. Партия большевиков в глубоком подполье, ее жестоко преследуют, за революционерами охотится охранка — царские сатрапы пытаются спасти прогнивший, приговоренный историей к краху капиталистический строй. Они не жалеют средств и сил, чтобы уничтожить совесть народа — коммунистов; они идут на все ухищрения, чтобы ослабить, разложить изнутри партию, расколоть ее на беспомощные национальные группки.

Великий Ленин с первого дня образования партии неустанно боролся за ее единство, за монолитность ее рядов, за ее подлинно интернациональный дух. Он приложил много сил к сплочению отряда коммунистов.

Вот почему пришел Октябрь победоносным, вот почему в едином строю выступили все угнетенные нации и народности, вот почему с первых дней Октябрьская революция была освобождением для всех. В тяжелые дни гражданской войны и интервенции народы-братья сражались плечом к плечу; они дрались за будущую многонациональную Родину, где основой отношений будут дружба и братство. Великий Ленин выражал твердую уверенность, что «вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций. Совершенно добровольно, без лжи и железа будет расти эта федерация, и она несокрушима».

Сбылось ленинское предсказание. В декабре 1922 года отдельные республики объединились в могучий Союз Советских Социалистических Республик. На карте мира появилась держава свободных народов, сплоченных дружбой и братством.

История готовила нелегкие испытания государству рабочих и крестьян: международная буржуазия делала все, чтобы расколоть, ослабить, подточить союз свободных наций. Но рушились ее планы. В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями — отношения дружбы и сотрудничества.

Братья приходили на помощь друг другу, делились опытом и знаниями. Наследие, оставленное царским правительством, было плачевным: несколько развитая европейская часть страны и отставшие в своем развитии глухие окраины. Нужно было помогать отставшим в экономическом и культурном развитии, более разумно планировать и размещать народное хозяйство. Сегодня в Узбекской ССР существует более ста отраслей народного хозяйства — до революции их не было. До Великого Октября в Казахстане в качестве тягловой силы использовались только животные — теперь в республике 99 процентов тягловых мощностей составляют моторы. До революции в Белоруссии, Узбекистане, Казахстане и Армении не было ни одного высшего учебного заведения, а в Киргизии, Таджикистане и Туркмении не было даже средних школ. Сегодня — академии наук, сотни высших и средних учебных заведений.

Растет страна, крепнет ее мощь, развивается культура, растут и ее люди, представители многонациональной братской семьи. На XXIV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «За годы социалистического строительства возникла новая историческая общность людей — советский народ... Наши люди спаяны общностью марксистско-ленинской идеологии, высоких целей строительства коммунистического общества. Эту монолитную сплоченность многонациональный советский народ демонстрирует своим трудом, своим единодушным одобрением политики Коммунистической партии».

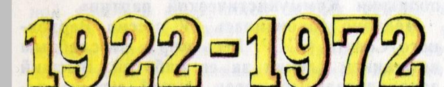
Недавно закончилась IV сессия Верховного Совета СССР. Весь мир с неослабным вниманием следил за ее работой. Высший законодательный орган нашей страны решал вопросы огромной государственной важности. Заинтересованно и по-деловому был рассмотрен широкий круг проблем охраны природы, рационального, научно обоснованного использования ее богатейших ресурсов. Было отмечено, что благодаря неустанной заботе Коммунистической партии и Советского правительства в нашей стране проделана гигантская работа по охране природы, по разумному использованию ее ресурсов. Верховный Совет СССР принял постановление, которое еще раз наглядно показало, что для партии и правительства нет более важной задачи, чем забота о благосостоянии и здоровье советских людей, о создании условий для успешного и плодотворного труда всего нашего народа. Было особо подчеркнуто, что рациональное использование, сохранение и воспроизводство природных ресурсов, бережное отношение к природе — составная часть программы строительства коммунизма в СССР.

Нынешний декабрь — месяц юбилейный, время большого и радостного праздника. Пятьдесят лет назад образовалось сообщество свободных наций — великий Союз Советских Социалистических Республик. Полвека минуло с того дня, когда советские республики объединились в могучую державу. Мир еще не видел такого содружества наций, союза вечного и незыблемого. Где каждый гражданин свободен. Где все нации равны. Где главное в человеке — заслуги перед обществом, а не национальная принадлежность. Где все за одного, а один за всех. Где достигнут невиданный расцвет социалистических наций. Где все с большей гордостью каждый человек произносит великие слова: «Я гражданин Советского Союза!»

АЛЕКСАНДР ВИНОГРАДОВ

КРЕПКО ЛЮБИТЬ И БЕРЕЧЬ

Солнце только-только выглянуло из-за макушек гор. И в тот же миг море заиграло разноцветными бликами. До артековского подъема оставалось еще часа полтора. Кругом стояла непривычная тишина, и только птичье многоголосье нарушало покой белоснежных корпусов, где, уткнув носы в подушки, спала многотысячная ребячья дружина. Но в это раннее утро не спал один человек. Не спалось.

Невысокого роста женщина с удивительно добрым взглядом сидела на берегу моря и задумчиво глядела, как крикливые чайки кружились над Адаларами. Это была Мамлакат Нахангова — почетный гость V Всесоюзного слета пионеров. Мне давно хотелось поговорить с ней, еще девочкой получившей высшую награду Родины — орден Ленина.

— Вы знаете, о чем я сейчас вспоминаю! — спрашивает она. — О первом приезде в Артек. Давно это было, еще до войны. Я помню, как лихо танцевал лезгинку кабардинец Барасби Хамкоков. Как дивно пел Ваня Чулков... Как у всех моих друзей рядом с пионерским галстуком были прикреплены ордена и медали. Сейчас уже многих нет среди нас, погибли героями на войне. А я хожу по Артеку, вглядываюсь в лица ребят и вижу тех, с кем была здесь в предвоенные годы. Вроде бы мы и не расставались. И танцы те же. И песни — наши, пионерские. Таджикистан — моя родина. А в Артеке и в Москве я впервые ощутила, какая огромная наша страна и сколько у меня друзей в разных ее уголках...

Я слушал Мамлакат, и мне вспомнился рассказ Раузы Шамжиановой, тоже награжденной орденом в предвоенные годы.

«В 1936 году восемь пионеров приехали в Москву. Нас пригласил к себе Михаил Иванович Калинин. Вручая нам ордена за труд — выращивание молодняка, коней для Красной Армии, — Калинин спросил нас:

— Знаете, ребята, кто самый сильный человек на свете! — Лукаво посмотрел на нас «всесоюзный староста» и ответил: — Самый сильный человек на свете — это человек, у которого больше всего друзей. У каждого в нашей стране, где бы он ни жил, есть настоящие и верные друзья».

Союз республик! Вдумайтесь в эти слова. И главное — берегите великую дружбу народов. Никакой враг не страшен, когда все народы вместе и едины.

В нашей стране свыше ста национальностей. И на разных языках по-разному звучит слово «дружба». Но смысл его всегда один — помогать другу, если он попал в беду, делить с ним радость, уважать его обычаи и традиции, знать его песни и стихи и рядом, рука об руку, шагать по пионерской дороге, крепко любить и беречь страну, которая гордо называется Союз Советских Социалистических Республик.

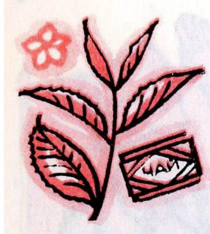
Для нас стало привычным, что рядом за партой сидят русский мальчик и казахская девочка, что в украинской деревне поют белорусские песни, что к памятнику бессмертной славы Сталинграда приходят поклониться ребята из Башкирии и Молдавии, Литвы и Чувашии. Для нас стало законом, что в учебниках по литературе мы читаем стихи Мусы Джалиля и Расула Гамзатова, что поезда дружбы из Мордовии идут в Ленинград, а из Ленинграда — в Ригу. И все это потому, что у всех нас одна Родина, любящая и охраняющая нас.

С чего начинается Родина! Такой вопрос однажды задала Таня Петрова из Волгограда и попросила ребят ответить на него через «Пионерскую правду». Пришли тысячи ответов.

«Велика Родина. Но все равно она начинается с Москвы. В годы войны солдаты не жалели своих жизней и заслонили столицу и всю Родину от врага. Таня Процюк».

А вот что написала Светлана Гуревская: «Родина. Коротенькое, но необыкновенно емкое слово. О ней говорят как о самом сокровенном и дорогом. В этом слове все: и белая русская березонька, и ласковая мама, и голубое небо...»

«Знаете, как интересно сесть за парту. Перед тобой — карта двух полушарий, первая учительница... После первого урока я подошла к доске, взяла мел и написала: «Мама. Родина. Мир». По-моему, с этого и начинается моя Родина. Ира Купчина, город Сумгаит».

«Для меня Родина начинается с моего родного поселка Прибельска, что в Башкирии. Назвали его так потому, что протекает у нас река Белая. Вода в реке прозрачная, за рекой — густой лес, а там смородина, черемуха... Хорошие люди в нашем поселке. Мой родной поселок — моя большая родина. Фарида Фаткулина».

Каждый по-своему ответил на вопрос Тани Петровой. Но всем нам до глубины сердца близки звезды Кремля, горящие в ночном небе Москвы, тихие рощи около Михайловского, тенистые аллеи Ясной Поляны, молчаливые, пережившие горе и смерть стены Брестской крепости, сады Молдавии и бескрайние просторы тундры Крайнего Севера.

Потому что все это — наше родное, советское. И в каком бы поселке, городе, ауле ни жили мы, всегда с гордостью и душевным подъемом можем сказать: «Я из Советского Союза!»

...Над Чукоткой три дня бушевала пурга. Сотни, тысячи тонн снега обрушились на землю, засыпали почти до крыш дома, преградили путь машинам и самолетам. Казалось, Чукотку отрезала от материка взбешенная стихия. На третьи сутки наш самолет приземлился в Анадыре, и мы стали свидетелями того, что натворила пурга. Вместе с нами прилетела почта с Большой земли.

— И много приходит почты! — поинтересовался я у молоденькой девушки в форме почтового работника, принимавшей мешки с корреспонденцией.

— А вы заходите завтра к нам на почту или в окружком комсомола, все и узнаете, — ответила она и почему-то загадочно улыбнулась.

На следующий день открылся этот маленький секрет загадочной улыбки. В окружкоме комсомола мне показали специально заведенную тетрадь, где регистрировались письма, бандероли, посылки, прибывшие в Анадырь. Каких только там не было адресов! Города большие и малые, совсем неизвестные поселки и деревни. В специальной комнате находились аккуратно разложенные сувениры — резьба по дереву из Карелии и редкие значки из карельской березы, янтарные сувениры из Латвии, украинская вышивка, открытки из героического Бреста, молдавские куклы.

— Совсем недавно во всех школах, больницах ребята получили сладкий сувенир — огромные румяные яблоки из Алма-Аты, — добавляет секретарь. — А ребята, которые вернулись из пионерских лагерей с материка, столько новых игр привезли, песен разучили — не перечесть. И все это — «Операция «Чукотка». Откровенно говоря, мы и не подозревали, что у нас столько верных и надежных друзей.

А за окном стоял огненно-рыжий закат короткого полярного дня, предсказывая хорошую летнюю погоду. Значит, завтра снова будет самолет с Большой земли, и снова сотни невидимых ниточек свяжут далекую Чукотку со всей нашей огромной страной. И снова тепло друзей войдет в каждый дом Анадыря, в каждый дом поселков, разбросанных в тундре и по всему побережью.

...Над Артеком пропел горн. Заливисто, серебристо. И тут же проснулось, зашевелилось, загалдело ребячье царство. Заговорило на десятках языков. «Всем, всем, всем, всем, доброе утро!» — несется из Горного на русском. «Доброе утро!» — откликается погрузински Морской. «С добрым утром!» — слышим мы по-узбекски из Лазурного. Мамлакат Нахангова заторопилась — ровно в девять ей открывать в дружине торжественный день Советского Союза. Я не спросил, что она скажет ребятам в этот день, какие слова. Но мне подумалось, что свое выступление она начнет так:

«Надо крепко любить и беречь ту страну, которая гордо зовется Союз Советских Социалистических Республик».

С. ФУРИН

Опытное поле у ребят Черемновской средней школы Алтайского края маленькое — всего 85 квадратных метров. Но примечательное — здесь родился новый сорт чудесной алтайской пшеницы, которую так и назвали — «черемновская юбилейная». Шесть лет упорного труда и томительного ожидания потребовалось юным земледельцам, чтобы получить из озимого сорта пшеницы яровой. Зато теперь не боятся ветра тяжелые, на крепких невысоких стеблях колосья, не полегают, не теряют драгоценные зерна. Не страшны новому сорту и извечные враги — головня и ржавчина.

Последние два года ребята ведут испытание других восьми сортов пшеницы. И результаты, полученные на 39 гектарах школьного поля, радуют. Урожай юных опытников на 4,5 центнера зерна выше, чем в совхозе.

Кажется, просто выращивать сахарную свеклу. Посеял — и пусть себе растет. Но Надя Романченко из Ковчак-Степановской средней школы Черниговской области хорошо знает, что это не так. Нелегко подготовить землю для посева и пропалывать, окучивать поднявшиеся всходы. Не одно удобрение перепробовала она, пока не нашла необходимое сочетание и количество. С раннего утра и до позднего вечера пропадала Надя на своем поле. Зато и урожай собрала отличный — 740 центнеров с гектара.

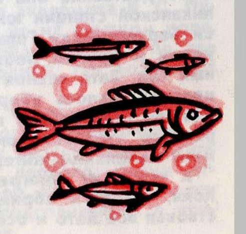
Своим опытом Надя Романченко и другие украинские юннаты делятся с друзьями — юными свекловодами из 73 школ союзных республик страны.

Семь видов хлопчатника растет на участке Каршинской станции юннатов.

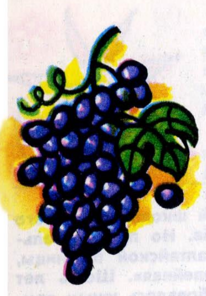
Испытывать новые сорта — дело почетное и интересное. А не попробовать ли вырастить свой новый сорт! Такой, чтобы не боялся засухи и болезней. Юные хлопководы взяли за исходные туркменский и ферганский сорта хлопчатника. Долог путь селекционера. Но упорства, умения ребятам не занимать.

Вот уж было радости, когда куст хлопчатника с заданными свойствами раскрыл свои коробочки! Хорошее волокно получилось. Нежно-белое. Конечно, впереди еще много работы, но, возможно, на полях Узбекистана зазеленеют в скором времени всходы нового сорта хлопчатника, который назвали «юность».

В любое время года выходят в дозор «голубые патрули» Индровской средней школы Краславского района. Когда весной спадает паводок, ребята собирают беспомощных мальков, оставленных схлынувшей водой. Летом следят за чистотой водоемов, рассаживают вдоль них деревья и кустарники, закрепляя берега.

Более двух тысяч пионеров Латвии участвуют в операции «Живое серебро». Это значит — миллионы мальков ценных промысловых рыб, возвращенных ребятами большой воде. Многие километры каналов, проложенных от отшнурованных бочагов и баклуш к рекам и озерам. И конечно, сотни тысяч зеленых деревьев, вставших вдоль голубых дорог республики.

Любит Сергей Мискарян пронизанные солнцем янтарные грозди. Хоть и трудно бывает во время уборки. Попробуй оборви их со всех десяти гектаров виноградника! Правда, ученическая бригада в селе Махчан Арташатского района солидная. 86 учеников — сила немалая. Но все равно нелегко дается осенняя страда.

В этот год, например, собрали ребята только абрикосов 23 тонны. А еще 20 тонн капусты да 19 тонн картофеля.

Умелыми земледельцами растут здешние ребята, а окончив школу, почти все остаются в родном колхозе.

«Нет проворнее рук, чем у Анаид», — говорили когда-то о школьнице. «Нет лучшего мастера высоких урожаев, чем Анаид» — так говорят сейчас. Недаром же избрали сельчане Анаид Багдасарян, первого бригадира ученической производственной, депутатом Верховного Совета Армянской ССР.

Как удобно собирать яблоки с невысоких, похожих на пестрые пирамидки деревьев! И все же к концу дня ноют руки и плечи. Ведь пальметтный сад у ребят Терновской восьмилетней школы Молдавской ССР не маленький — 27 гектаров. Но это лишь часть большого хозяйства их ученической бригады. Колхоз выделил юным земледельцам еще 34 гектара овощных культур и 10 гектаров кукурузного поля.

Сестрам Любе и Наде Стрепелюк есть чем гордиться. Совсем молодая у них бригада, но в работе ничуть не уступает взрослым. Об этом говорит полученный урожай — с каждого гектара почти по 300 центнеров кабачков и томатов, более 100 центнеров огурцов и по 45 центнеров кукурузного зерна.

Каждое лето, не успевает отзвенеть в школе последний звонок, возвещающий о начале счастливой поры каникул, отец берет Бекболота Талгарбекова с собой в горы, показывает пастбища, учит отыскивать места, где можно спрятать от ветра и грозного в горах ливня отару. И кажется юному чабану, что нет на земле гор краше, чем те, что тесно обступают его родное село Талды-Бурак, и нет ничего лучше профессии чабана.

Целое лето кочует с отарой Бекболот, помогая колхозникам сохранить молодняк и добиться наибольшего привеса. По праву называют его «достойной сменой взрослых». За успехи в выращивании овец послали Бекболота Талгарбекова на Всесоюзный пионерский слет киргизские школьники.

Необычайно суровой выдалась в Туркмении нынешняя зима. Немало доставила она хлопот юным садоводам Туркменской республиканской станции юных натуралистов. Много пришлось потрудиться Бердымураду Гельдыеву, Байрамгуль Вельмурадовой, Зое Шкуновой и другим ребятам, чтобы уберечь от холодов свой чудесный сад. Зато весной деревья вновь окутались бело-розовой пеной цветов. Удалось уберечь ребятам и плантацию винограда. И уже в июле был собран первый урожай — 150 килограммов «халили», раннего столового винограда, который школьники подарили самым маленьким жителям Ашхабада — воспитанникам детских садов.

А вслед за виноградом отправили юннаты малышам сливы и яблоки, алычу и абрикосы. Плодовый конвейер бесперебойно действовал все лето и осень.

Приятно вдыхать запах спелых кукурузных початков! Отсыплешь на ладонь несколько зерен, крупных, золотистых, и кажется, упали к тебе крупицы горячего солнца.

Так, наверное, думала осенью Люба Пестунова, когда желтый ручей початков так и тек из комбайна в машину. А потом пришла новая радость. Ее ученическая производственная — первая в Чечено-Ингушетии! И не только по количеству собранных центнеров. Ведь это им, юннатам Каргалинской средней школы, первым в республике доверили для опытов огромное колхозное поле.

Полимикроудобрения проверяли юные. То, что повышают они урожайность, ребята установили еще на пришкольном участке. Но как будет на больших площадях! Теперь волнения позади. Двадцать процентов прибавки к урожаю — вот результат опыта, который уже внедрен в производство.

Хорошая традиция есть у ребят Саулескалнской восьмилетней школы Краславского района Латвийской ССР. В дни больших юбилеев они сажают в поселке деревья. Уже окрепла, разрослась березовая аллея, посаженная в дни XXIV съезда КПСС, а молоденькие кленовые саженцы, которые ребята посадили в честь 50-летия советской пионерии, пока только-только набирают силу.

Примеру саулескалнских школьников последовали и ученики других латвийских школ. За один только нынешний год ребячьими руками в республике посажено 390 гектаров леса, 30 тысяч плодовых деревцев, 20 тысяч декоративных кустов, выращен миллион цветов.

Молодцы ребята!

Таджикские мальчишки и девчонки любят свои горы. Ловко взбираются по их склонам за ягодами и орехами, в поисках лекарственных растений. До глубокой осени работала в этом году лесная аптека. Часто можно было видеть спускающихся с гор ребят — охотников за целебными растениями. Зеленые ветки эфедры, густо усыпанные мелкими, похожими на чешуйки листочками, розоватые орешки фисташковых галлов, сиреневые зонтики шалфея мускатного... Не перечислить всего богатства, что подарил пионерам Памир.

Участвуя во Всесоюзной пионерской операции «Лекарства лесной аптеки — детскому госпиталю в Ханое», школьники одной только Ленинабадской области собрали 1820 килограммов лекарственного сырья.

Седьмой год выполняют юннаты средней школы № 14 Весенковского района Краснодарского края задание академика В. С. Пустовойта. Интересную картину можно увидеть на их опытном поле, когда созревает подсолнечник. На каждом стебле наколото по две желтые корзинки, причем семенами одна к одной. Так дозревают подсолнухи.

А поле у ребят необычное. На 25 гектарах выращивают они для родного колхоза семена по методу знаменитого селекционера. За это время добились юные опытники отличных результатов. Судите сами. Школьное опытное поле обеспечивает первоклассными семенами плантацию в 500 гектаров. С тех пор как ребята стали выращивать семена по-новому, урожайность подсолнечника в колхозе выросла на 7,1 центнера с каждого гектара.

КОНКУРС
БЕЛАЯ БЕРЕЗА

Нет, пожалуй, в лесах наших дерева поэтичнее и красивее березы. Недаром же белоствольная березонька — символ нежности и стойкости, верности и чистоты, щедрости и богатства. Сколько песен посвящено ей, сколько слов хороших подарено!

Вот почему конкурс юных друзей леса назвали мы так просто и емко — «Белая береза».

Целый год выполняли ребята задания конкурса. И теперь с гордостью можем сказать, что наша «Белая береза» стала символом трудолюбия, настойчивости и, самое главное, истинной любви к родной природе. И любовь эта не созерцательная — действенная, ибо юные лесничие — настоящие рыцари березняков и дубрав, хвойных боров и кедровников, рачительные хозяева безбрежного зеленого океана.

Приятно знакомиться с донесениями отрядов «Белой березы». Не сыщешь среди них и двух одинаковых по форме: здесь и поэтичные рассказы, и короткие рапорты, и красочные альбомы, и четкие графики-схемы. Но в каждом — стремление добросовестно выполнить любую операцию конкурса, вовремя прийти на помощь зеленому другу.

«Наш питомник размещен в квартале 78, на площади 0,6 гектара, — пишет Александр Витковский, лесничий Гожской средней школы Гродненской области. — Вокруг растут десятилетние сосны. Они надежно укрывают всходы каштана, клена и акации. Но половина питомника под паром. Осенью мы соберем много-много семян и засеем остальной участок. Так что год от году ширится пионерским посадкам в окрестных лесах!»

Как видите, гожские школьники смотрят вперед, правильно понимают, что нынешний конкурс лишь начало большой самостоятельной работы.

Не перечесть увлеченных и умелых ребят в отрядах «Белой березы». Для таких лес не тайна за семью печатями, а открытая книга.

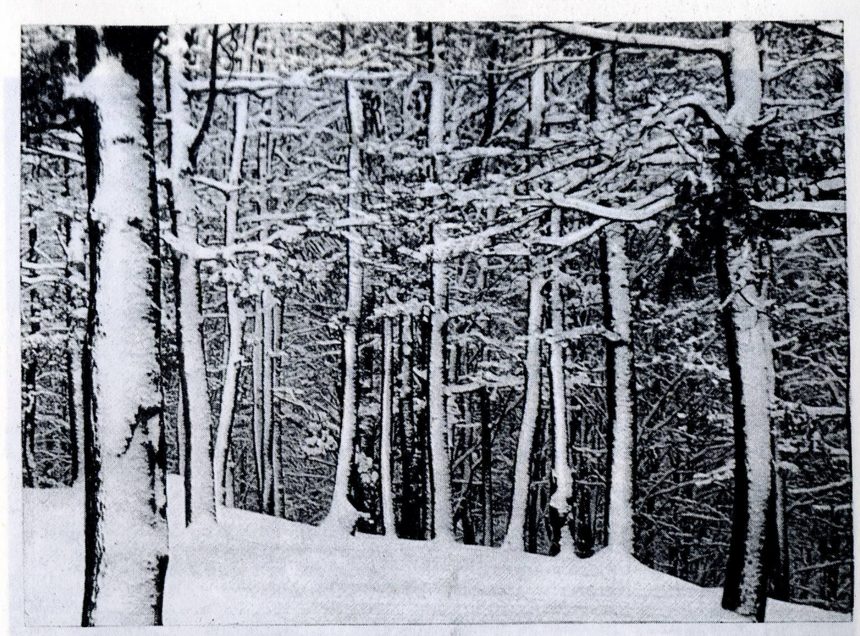
«Примите очередное донесение. В течение лета мы собрали и сдали в аптеку 66 килограммов лекарственного сырья. В том числе гриба-чаги — 20 килограммов, травы пустырника — 15, листьев подорожника — 8, ликоподия — 18, листьев мать-и-мачехи — 5 килограммов. Совет Юхновского школьного лесничества Калужской области».

Не правда ли, хорошо потрудились юхновские следопыты? Видимо, известна им каждая целебная поляна в окрестных лесах, все грибные и ягодные места.

Задания «Белой березы» оказались посильны почти всем отрядам, приславшим свои заявки. А некоторые участники проявили инициативу — сделали даже больше, чем требовалось условиями конкурса. Что ж, это похвально!

«В Великую Отечественную войну над нашим городом погиб бесстрашный летчик Шелудько. На песчаном берегу Дона возвышается обелиск в честь подвига героя. Мы решили заложить здесь сквер. 15 апреля вышли на субботник. 200 саженцев из школьного питомника посадили мы вокруг памятника. И как радовались, когда через месяц молодые акации и тополя зашумели первой листвой! Пусть же рассказывают они всем о героизме и отваге отцов и старших братьев!» Вот какое донесение прислал Сергей Смолинов из города Калач-на-Дону Волгоградской области. Доброе, благородное дело выполнили здешние школьники.

Больше всего рассказов прислали ребята о весеннем празднике встречи пернатых гостей. Ко Дню птиц приурочили отряды операцию «Синичник». А как интересно проходил сам праздник!

В Головановском школьном лесничестве Рязанской области, например, ребята сделали триста домиков для скворцов и синиц, десять для трясогузок. Не забыли юннаты дятлов и стрижей. И для них построили искусственные гнездовья. Сам праздник провели в клубе поселка. Конкурсы на лучшее исполнение песен, стихов и рассказов о птицах, викторины, КВН украсили этот торжественный день.

Пять заданий было в этом году. И успешное их выполнение часто зависело от помощи взрослых.

«Трудно сказать, справились ли бы мы с заданием, если бы не было рядом помощника лесничего Нины Федоровны, нашей учительницы Нины Васильевны Шкалиной и лесотехника Николая Федоровича Кислицына. Большое спасибо им!» Так написали юные лесничие села Малая Сола Марийской АССР.

Большое спасибо! Так говорят все участники нашего конкурса учителям и лесничим, всем взрослым, которые постоянно прививают ребятам любовь к родной природе, учат их бережному отношению к ее бесценным богатствам.

Конкурс «Белая береза» продолжается. Впереди новые задания, новые операции. А сегодня мы объявляем правофланговых.

Вот они, эти отряды:

Гожской средней школы Гродненской области, села Гусарка Запорожской области, школы № 3 города Железногорска Иркутской области, поселка Нелидово Калининской области, Юхновской средней школы Калужской области, школы № 10 города Гатчины Ленинградской области, села Малая Сола Марийской АССР, средней школы № 126 города Новосибирска, Павловской средней школы Псковской области, Головановской средней школы Рязанской области.

Желаем всем участникам конкурса новых успехов! До встречи в 1973 году!

Отсюда начинают свой бег к Иссык-Кулю быстрые горные реки. Высокогорья Киргизии поразят и шумной перебранкой водопадов, и стройным хороводом высоченных тянь-шаньских елей, и сахарными языками ледников. С изломанных вершин Терскей-Алатау сползают они и вдруг в нерешительности замирают, боясь расплескать синие блюдца крохотных озер. И над всем солнце — ослепительное, жгучее, обнажающее краски, скрадывающее полутона.

Горы то фиолетовые, то карминные, снег из белого вдруг становится розоватым, а в пене водопадных струй то загорается, то пропадает невесомая радуга.

Фото В. Кукушкина

РЫБА ЛЕТИТ НАД ЗЕМЛЕЙ

Страна наша богата водоемами. Четырнадцать морей, сотни тысяч озер и рек, множество водохранилищ составляют ее водный фонд. Но не во всех водоемах обитают ценные рыбы. В некоторых озерах и реках живут лишь карась и мелкий окунишка. Ихтиологи добиваются, чтобы в каждом водоеме водилась наиболее ценная промысловая рыба. Тысячи и тысячи опытов проводят акклиматизаторы.

В этом году исполнилось 25 лет Центральному производственно-акклиматизационному управлению, которое занимается акклиматизацией рыб. 320 тысяч центнеров акклиматизированной рыбы ежегодно добывают в нашей стране.

О работе ихтиологов-акклиматизаторов, о романтике их труда и рассказывается в этой статье.

Самолет и рыба. Странное сочетание. Между тем в наши дни рыба стала частым пассажиром быстроходных лайнеров.

В самом центре Москвы, около кинотеатра «Ударник», находится необычное учреждение ЦПАУ — Центральное производственно-акклиматизационное управление.

Целый день звонят телефоны:

— Говорит Париж. Завтра принимайте на Шереметьевском аэродроме угря.

— Присылайте в аэропорт специалистов. Летит икра американского лосося.

И телеграммы, телеграммы... В них география страны. С Дальнего Востока отправлена молодь толстолобика; с Северной Двины летит на ВДНХ стерлядь. С Камчатки везут лосося.

Связываемся с акклиматизационными станциями:

— Готовьтесь к приему живого груза.

И люди готовятся. На местах рыбу выпускают в водоемы. Икру доинкубируют на рыбоводных заводах. Вскоре из нее появляются мальки. Но ученые-ихтиологи еще

долго будут наблюдать за ними, пока убедятся, что новая рыба прижилась и нашла подходящие условия для жизни.

В 1960 году норвежский рыбак Бен Енсен поймал в сеть невиданную до сих пор рыбу. Съехались ученые, определили. Гадали, как могла горбуша оказаться в норвежских водах. Директор Тронхеймского королевского общества ученых предполагает: «Вероятнее всего, пойманный лосось пришел из арктических вод, где он имеет достаточно хорошие кормовые условия». А на самом деле это потрудились наши акклиматизаторы: перебросили ценнейшую рыбу горбушу через весь Советский Союз с берегов Тихого океана в Баренцево море.

Все чаще и чаще попадается горбуша в Северной Атлантике. И вот уже все европейские страны знают о появлении «русского лосося» — так его назвали. В иностранной прессе мелькают заголовки: «Загадочный лосось в сетях Тома Хоу — советский лосось!», «Тихоокеанские рыбы летят через всю Россию на самолетах».

Этим же путем были доставлены с Дальнего Востока дальневосточные крабы. Ну и хлопот с ними было! Крабы быстро потребляют кислород, поэтому в дороге приходилось следить все время, чтобы хорошо работала система подачи кислорода. А крабы еще, как нарочно, зажимали клешнями трубочки, по которым подается кислород.

Кроме того, приходилось брать с собой большой запас соленой морской воды. Теперь крабов перевозят в живорыбных вагонах. Мало кто слышал об интересной травоядной «рыбе-корове» — белом амуре. Это сильные, крупные рыбы. Некоторые из них весят до 30 килограммов.

Очень интересно наблюдать за ловлей белого амура. Когда сеть подтягивают к берегу, огромные рыбины начинают выпрыгивать. Точно ракеты, пролетают они над водой иногда 3—5 метров. С одной такой рыбиной могут справиться разве что трое мужчин.

Белый амур питается растениями, причем не только мягкими, но и жесткими — рогозом, тростником, камышом. Но если их ему не хватает, приходится объедать висящие над водой листья, выпрыгивая из воды.

Белый амур быстро справился с очисткой водоемов, в которые его выпустили. Он буквально спас Каракумский канал от зарастания. Но теперь амуру стало не хватать растительной пищи. Акклиматизаторы ищут новые водные растения, которые можно развести в водоемах, где живут растительноядные рыбы.

Белый амур и его собрат толстолобик акклиматизированы во многих районах страны — на Украине, в Молдавии, Белоруссии, на Северном Кавказе и в Средней Азии. Ежегодно в стране вылавливают 130 тысяч центнеров растительноядных рыб. А молоди этих рыб выращивают так много, что мы смогли поставлять ее в 14 стран мира.

Прижилась в Каспии черноморская кефаль. 50 тысяч центнеров в год добывают в озере Балхаш судака, который попал сюда из реки Урал. Северодвинская стерлядь — в Печоре, ладожский рипус — в водоемах Урала и Сибири, сибирская пелядь — в Ленинградской области, камский лещ — в Сибири. И сколько еще рыб нашли себе новое местожительство!

В некоторых водоемах рыбы стали чувствовать себя лучше, чем дома. Ладожский сиг-лудога, переселенный в озеро Севан, стал откладывать не 30, а 60 тысяч икринок, а севанская форель гегаркуни, достигавшая на родине 4 килограммов, в озере Иссык-Куль стала расти до 16 килограммов.

В кабинете начальника ЦПАУ висит географическая карта. Вся страна покрыта сетью стрелок, около которых изображены рыбы. Это пути их переселений, маршруты изученные, хорошо известные сотрудникам ЦПАУ — «цаповцам», как они себя называют.

Но прежде чем отправлять рыбу в полет, нужно решить множество сложных научных вопросов. Приживется ли рыба на новом месте? Как сложатся ее отношения с коренными обитателями водоема? Не будет ли вселенец питаться кормом живущих здесь ценных рыб? Подберет ли для себя нерестилища?

И вот ответ найден. Составлен рабочий план. Можно действовать. На ЦПАУ оживление. Готовится оборудование. Начинается пора командировок.

В сапогах и телогрейках отправляются они на реки. В леденящей воде собирают цаповцы икру лососей, ночуют в палатках, иногда не спят по нескольку суток, чтобы во время интенсивного нерестового хода рыб обработать, упаковать и отправить ценный живой груз. На реке Лене в полевых условиях инкубируют икру, чтобы переселить потом мальков ленского осетра в реки европейской части Союза.

Каждая икринка несет в себе жизнь. Каждая выросшая рыба даст многочисленное потомство. И цаповцы берегут, лелеют, выхаживают каждую икринку, каждого малька. В холод, в непогоду, когда по метеорологическим причинам задерживается самолет, укрывают телогрейкой ящики с икрой, летом в жару снова и снова меняют лед.

Ежедневный сложный, кропотливый труд... Но тот, кто любит романтику путешествий и открытий, вряд ли поменяет эту работу на другую.

Внуковский аэродром. Диктор объявляет:

— Произвел посадку самолет ТУ-104.

На поле выезжает машина. На ветровом стекле эмблема — земной шар и летящая над ним рыба. Это представители ЦПАУ.

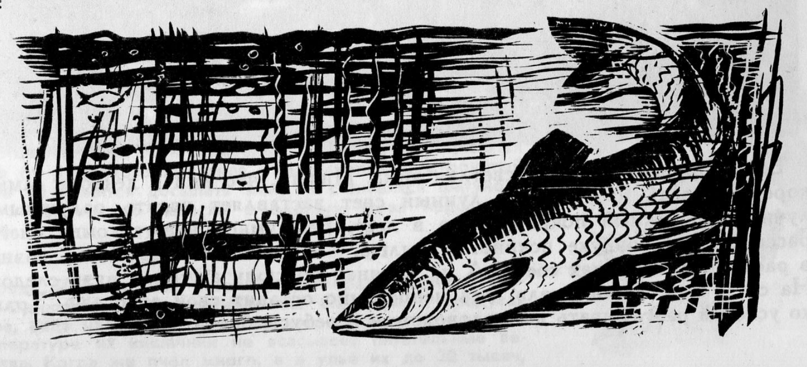
Из грузового люка по транспортеру спускаются обычные на вид картонные коробки. Приглядевшись, видим на них наклейки все с тем же изображением летящей над земным шаром рыбы. Открываем одну из коробок — в ней полиэтиленовый пакет. Он наполовину залит водой, наполовину наполнен кислородом. В воде резвятся мальки. Ни один не погиб. Все чувствуют себя хорошо. Запас кислорода точно рассчитан до конца пути. Но любоваться некогда. Срочно грузим коробки в машину и мчимся на другой аэродром, чтобы скорей отправить их в конечный пункт назначения. С грузом летит сопровождающий. Всю дорогу он будет оберегать молодь рыб от высоких температур, проверять ее состояние.

Век техники, век скоростей.

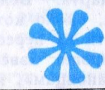
Сегодня мы везем тысячи мальков, которые через годы дадут начало промысловым стадам.

Может быть, через столетие уже забудут коренные жители Каспия, что не было у них раньше кефали, а рыбаки сибирского озера Убинское будут рассказывать детям, что судак у них всегда водился. Может быть. Не это важно. Ежедневно выполняя свою работу, скромные труженики-акклиматизаторы оставляют неизгладимый след на планете — свой щедрый дар потомкам. И в этом великое счастье труда!

С. ДЕДЮХИНА

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

ДЕКАБРЬ

Вот и пришла радостно-светлая зима. Ничего, что дни в декабре самые короткие, ведь и холодный лунный свет заставляет играть радужными лучиками снежный покров. Тихо в лесу. Бесшумно падают комья снега, рассыпаясь в воздухе искристой пылью, — это белки затеяли возню в раскидистых кронах сосен. А на полянах повсюду ажурная вязь следов. На снегу любой обитатель леса непременно оставит свой автограф. Только успевай разгадывать все головоломки и ребусы белой тропы.

Рис. И. Кошкарева
Фото Р. Воронова

Животные сейчас норовят ходить бором: снег там мельче — осел на хвойном лапнике, да так и остался. Потому-то лиса старается пробежать ельником, там и добычу ловит. Русаки жмутся ближе к жилью человека, забегают в сады, к сенным сараям и на капустные поля. Беляки предпочитают обочины лесных дорог. Лоси выходят на просеки и поляны, где скусывают побеги молодых деревьев.

В светлые морозные дни белки покидают теплые гнезда и резвятся на сучьях, лакомятся жирными семенами елей. Сейчас белочка выглядит совсем голубой. Очень заметны в лесу клесты. Ростом со скворца, старые петушки розовые, а самочки серовато-оливковые. В среднерусских лесах обычно встречаются клесты-еловики, в северных — сосновики. Еловики по сравнению с сосновиками собой поменьше, и клюв у них покороче. Крючковатым клювом клест легко вытаскивает из еловых шишек смолистые семена. Любит отведать еловых семян и пестрый дятел. Сорвет шишку, укрепит в станок — расщеп пня или сучка — и давай потрошить! Помятую шишку сбросит вниз, ею тотчас воспользуются мыши. После них от шишки останется один стержень, да и тот в погрызах.

В декабре разбиваются на пары рябчики. До весны еще далеко, а эти птицы уже теперь спешат определить семью. На ранней заре в березняках бормочут тетерева. Весной на току тетеревиное бормотанье призывное, звучное, сейчас оно спокойное, глухое. В тишь тетерева рассаживаются по верхушкам берез, в ветреную погоду спускаются на средние сучья.

Глубже проделывает ходы бодрствующий жилец подземелья — крот. Вслед за своим кормом — земляными червями — он опускается в незамерзающие слои почвы. У оцепеневших животных пора глубокого сна. В куче листвы и мха, свернувшись в клубочек, неподвижно коротает зиму еж. Под стать ему сурок. Но такой грызун, как хомяк, может и зимой проснуться. Осенью он таскал в своих защечных мешках зернышки, и теперь в его кладовой припрятано несколько килограммов жита. Проснется, съест часть запасов и опять заляжет на покой. Остальной провиант пригодится ранней весной.

А что поделывает в декабре бурый медведь? Как только по-серьезному завернет зима, хозяин дремучего леса устраивается на зимовье, заваливаясь головой к лазу. Медведица улеглась вместе с медвежатами, а самец — на отшибе, один. Сон медведей неглубок, просыпаются даже от ружейного выстрела у места спячки. Стронутый зверь не ложится досыпать зиму, а становится шатуном, как и те, что не залегли в берлогу из-за недостатка жира.

Среди общественных насекомых интересно зимуют пчелы. Одиночная пчела погибла бы еще при 5 градусах тепла, ведь насекомые сами не согреваются, при низкой температуре их кишечник не всасывает питательные вещества. Когда же пчел много, а в улье их до 20 тысяч,

они могут вынести нижайшую температуру. Сбившись плотно в клубок, пчелы в течение зимы находятся в непрестанном движении: внутри клубка около 15 градусов тепла. Конечно, жильцы улья за зиму потребляют немало корма. Зимуют только матки и рабочие пчелы, трутней еще осенью изгоняют из семей.

В морозное время пресноводные обитатели продолжают «бегство вглубь». Там, ближе ко дну, для них безопаснее. Глубинные слои воды и в самые крепкие стужи не охлаждаются ниже 4 градусов тепла. При этой температуре вода наиболее тяжелая, поэтому она собирается у дна. В такой благоприятной среде и оказываются бодрствующие и спящие обитатели водоема. Рыбы залегли в зимовальных ямах, лягушки скопились в придонном иле. Опустились вниз и улитки-прудовики.

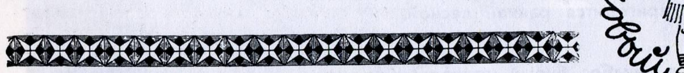
Глубокий снег закрыл тяжелым ковром лесные поляны. И тут же из леса ушли волки. Трудно серым в зимнем лесу среди непролазного снега — вот и потянуло их на наезженные дороги, поближе к людям. Всю ночь бродит по дорогам серая стая и только к утру сворачивает в редколесье или к болоту отдохнуть перед новым походом.

Прижались ближе к домам вороны. Сидят, нахохлившись, по заборам, взъерошились от холода. Но о близкой оттепели вороны узнают первыми — отряхнутся, будто сменят зимнюю шубу на осеннее пальто, завертят головами, оживятся. Подаст голос одна птица, затем другая — и вот уже по всей деревне вороний крик извещает всех, что мороз отступил, что день-другой продержится зимнее тепло.

Кончился в лесу запас еловых шишек, пришлось белкам отправляться на поиски новых урожайных мест. Все реже попадаются теперь их следы, все чаще встретишь на снегу еловые лапки, настриженные белкой. Нет шишек — вот и приходится белкам довольствоваться еловыми почками. Хоть и не богатая эта пища, но голод ведь не тетка!

ТВОЙ НОВЫЙ ДРУГ

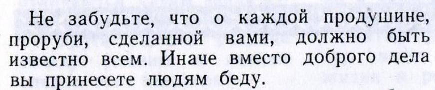

Трудно зимой в декабрьском лесу. Поздно встает солнце, рано заходит. Мало света достается птицам и зверям. Но еще трудней в эту пору приходится жителям рек и озер. Падает вода, ниже и ниже опускается ко дну толстый лед. Там, где нет ключей, нет протока воды, рыбам не хватает кислорода. Неподвижно стоят рыбьи стаи на дне озер, прудов.

Как же помочь рыбам, как спасти их от заморов, от гибели?

Прежде всего надо провести разведку. Расспросите старожилов, на каких водоемах в ваших местах бывают заморы, как часто они повторяются, когда были последний раз, и тут же приступайте к делу.

Только не забудьте, что любая работа на льду под силу лишь опытному отряду. Что сделает один человек на большом озере? Разве пробьешь столько прорубей и лунок? Конечно, нет. А случись беда — не выдержит лед, кто поможет, если рядом нет товарищей? Вот почему надо точно узнать, в каком месте на озере лед может быть опасным. А еще лучше, если ваш отряд возглавит кто-нибудь из старших товарищей.

Не забудьте, что о каждой продушине, проруби, сделанной вами, должно быть известно всем. Иначе вместо доброго дела вы принесете людям беду.

Каждую прорубь-продушину надо обнести вехами, хорошо заметными издали. Да и устраивать продушины обязательно надо в стороне от дорог.

Вот наконец все готово: прорублены проруби, установлены вехи. Но ночью мороз обязательно схватит открытую воду крепким ледком. Как быть? Для того чтобы труд не пропал даром, в каждую продушину следует опустить пучки соломы. Лед схватит воду вокруг пучка, но внутри место для воздуха всегда останется. Сверху солому надо обязательно прикрыть сухим снегом.

Такая снежная шапка, как мягкая перина, не пропустит к воде мороз.

За прорубями нужно регулярно, ухаживать, расчищать намерзший лед, заменять смерзшиеся пучки, подправлять снежную шапку. Большой труд берут на себя отряды «голубых патрулей», но за этот труд озера, пруды, реки дарят своим друзьям чудесные рыбацкие зори, неожиданные поклевки крупных рыб и, конечно, вкусную рыбацкую уху в котелке.

За дело, друзья природы! Рыбы нуждаются в вашей помощи. А «Лесная газета» ждет рапорты о вашей работе.

Декабрь год кончает, зиму начинает. Низко теперь ходит солнце. Из-за облачности кажется, что его днями и вовсе нет. Так длится до двадцатых чисел, когда Земля повернется к светилу северным полушарием. В конце месяца начнется прибавка светового дня и убыль ночей. Но, как говорят, солнце на лето, а зима на мороз поворачивают. Свежо, чисто, просторно. Приятна эта пора — первозимье. Поскрипывают лыжи, проминая глубокий след. Кому ж не любо пробежаться леском заиндевелым или заметенным лугом!

Здравствуй, зима!

В декабре натуралисты изучают характер снегового покрова, определяют его высоту и плотность. Участки для наблюдений выбирают как на открытых, так и на защищенных местах. Открытое место — это обширный луг, закрытое — широкая поляна в лесу.

Для замера высоты покрова пользуются постоянными снегомерными линейками. Делают их из деревянных брусков сечением пять на пять сантиметров и длиной два метра. На рейку наносят шкалу измерения, разбитую на сантиметры. Снегомерные рейки обыкновенно устанавливаются осенью по три в каждом пункте наблюдений. Крепить их лучше к вбитым в землю колышкам. Располагают рейки невдалеке друг от друга в виде треугольника.

Отсчет толщи снега лучше вести утром. Для этого к рейкам вплотную не подходят, иначе повредится целостность покрова: записывают показания шкалы на расстоянии пяти-шести шагов. Если снегомерные рейки не были вовремя установлены, то можно пользоваться обыкновенной длинной линейкой. Главное, чтобы измерения велись в одних и тех же местах. Высоту снежного покрова указывают в целых сантиметрах.

Другой важный показатель состояния снега — его плотность. Устанавливают плотность так: сосуд цилиндрической формы вдавливают в снег, затем его вносят в теплое помещение вместе с содержимым. Когда снег растает, полученный объем воды, выраженный в кубических сантиметрах, делят на общий объем емкости сосуда. Результат от деления и будет выражать плотность снега. Вычисляют этот показатель раз в неделю, а во время снеготаяния — каждый день.

Проверьте народную примету:

Снег идет большими хлопьями — к ненастью и мокроте.

Аптека под ногами

Зимушка-зима пожаловала! Со снегами пушистыми, с морозцами трескучими, со льдами-толстяками. Какая уж тут, казалось бы, зеленая аптека, коли и зелень вся разве что в хвойниках — на елках да на соснах. Туда, в бор немеркнущий, и пойдем. За сосновыми почками — ценным лекарственным сырьем.

Медью отливают высокие красные стволы. Что ни сосна — одно загляденье, недаром дерево это слывет в народе жемчужиной северного леса. Из прямых душистых сосен рубят дома, вяжут мебель, а то и оснащают звучные скрипки, рояли. Хвоя идет на приготовление витаминных напитков и ранозаживляющих паст. А вот почки, собранные в зимнюю пору, исцеляют от болезней верхних дыхательных путей, убивают вредных микробов в организме. Смол, масел, горьких и дубильных веществ, витаминов — всего в них запасено с избытком. Только применяй с пользой.

И аптека издавна извлекает пользу из сосновых почек. Собирать же их — дело любителей природы, среди которых юннаты всегда на виду. Срезают почки вместе с небольшой верхушкой побега. С молодых деревьев почки крупные, мясистые, со старых сосен — они мелкие и невзрачные. Это аптекарское сырье лучше всего заготавливать на рубках ухода, где лесники валят ненужные деревья. В подросте, а тем более в посадках, почек не собирают, ведь обрезанные побеги приостанавливают рост в длину, хиреют.

Дома сбор расстилают на бумаге и сушат. В печь ставить нельзя, иначе из почек испарится смола, да и чешуи раскроются. Высушенное сырье — это смесь «коронок» из розовато-бурых почек и незначительной примеси лома сосновых стеблей. Запах сырья ароматный, смолистый, на вкус — горьковатый. Хранят аптечный сбор в сухих фанерных ящиках.

Школа следопыт

Вот и наступило наше последнее следопытское занятие. Сегодня мы не пойдем в поход, не будем разбирать следы птиц и зверей.

Я предлагаю всем вам проверить свои знания. Итак, приготовьтесь ответить на мои вопросы.

Вопрос первый. Чем питаются белки в зимнем лесу? Сколько раз в день они выходят на кормежку? Бывает ли такое, что белка в течение целого дня не покидает своего гнезда, и когда это происходит? По каким следам можно узнать, что корма для белок в лесу осталось совсем мало?

Вопрос второй. И у горностая, и у ласки зимой белая шубка. Как отличить по виду этих двух зверьков друг от друга?

Вопрос третий. След куницы неопытные следопыты могут спутать со следом норки, хоря или горностая, но отличить их можно просто, если вспомнить, как и за кем охотится лесная куница. Подумайте и напишите мне, как узнать, что именно куница оставила на снегу свои следы.

Вопрос четвертый. Весной, когда потянут с юга на север стаи уток, гусей, журавлей, лебедей, вы часто встретите на берегах рек, озер, на краю разлива, а то и просто на полях следы этих птиц. Как отличите вы друг от друга следы журавля и следы гуся?

Вопрос пятый. Водятся ли в ваших местах ондатры? А если водятся, то как вы об этом узнали?

Вопрос шестой. Приходилось ли вам встречать летом или зимой следы выдры? А если приходилось, то расскажите мне, как отличить следы выдры от следов других зверей.

Вопрос седьмой. Чем отличаются следы зайца-русака и зайца-беляка друг от друга? Какая разница между зимним и летним следом этих зверьков?

Вопрос восьмой. Если вы увлекаетесь рыбной ловлей, то расскажите, как по кругам, которые оставляют на поверхности воды щука, жерех и окунь узнать, какая из этих рыб только что обнаружила себя?

Вопрос девятый. Живет ли в ваших лесах угрюмый и скрытный зверь-домостроитель — барсук? Барсук ведет ночной образ жизни и редко попадается на глаза. Приходилось ли вам встречать следы барсука? Как вы отличили его следы от следов других зверей? Чем питается барсук? И почему категорически запрещено раскапывать барсучьи норы?

Вопрос десятый. Чем питаются в зимнем лесу глухарь, тетерев, рябчик? Где ночует в зимнем лесу каждая из этих птиц?

Вот и все мои вопросы.

А пока я прощаюсь с вами. До новых встреч на следопытских тропах, друзья!

СЛЕДОПЫТ

ШЕЛЬМА

После темной норы все здесь было ново и интересно: ослепительный свет солнца, манящие запахи, пестрая смесь звуков; а самое главное — открывшийся впереди бескрайний простор, который пугал и звал. Осторожно раздвинув высокую зеленую траву, они друг за другом вылезли на поляну.

Их было пятеро — маленьких, беззащитных, похожих на щенят песцов. Смышленые остроносые мордочки пытливо тыкались по сторонам. Тонкие ушки были навострены. Как много вокруг непонятного и страшного! Вот рыжий лемминг с резким писком выскочил из травы, спасаясь от них. И они бросились врассыпную. Взвился из-за кочки испуганный тонконогий кулик — и они приникли к земле, слившись с тундрой. А рядом журчал поток снеговой воды, дразнил, приглашал мчаться вперед.

Забыв об опасности, восторженно тявкая, наперегонки скатились они под горку. Как прекрасен, как увлекателен мир! Вдруг что-то большое, горластое тяжело поднялось в воздух, обдав их волной тугого плотного ветра. Трубный гогот, свист размашистых крыльев заставили до боли сжаться их маленькие сердца. Но пронеслась мимо зловещая черная тень — и тут же пахнуло уютным, теплым, домашним.

Жадно всасывая вкусный запах, малыши поползли ему навстречу. В ямке, устланной травой и пухом, лежало пять крупных белых яиц. Это было гнездо взлетевшей гусыни. Растормошив гнездо, они стали играть с нагретыми, совсем безобидными яйцами, и катали их по тундре до тех пор, пока не лопнула тонкая, хрупкая скорлупа. Когда же содержимое вытекло на траву, его захотелось попробовать. Оно оказалось таким вкусным, что невозможно было оторваться.

Набив крошечные желудки, перемазавшись яичным желтком, щенята развалились на траве и задремали. Ласковое июльское солнце по-матерински грело их, сквозь сон доносился безмятежный щебет птиц и шорох ветра. До чего же хорошо было жить на свете!

Их разбудили страшный треск и скрежет. Огромная грохочущая глыба катилась прямо на них, оставляя за собой хвост зловонного дыма. Не помня себя от испуга, малыши принялись удирать куда глаза глядят.

За ними по пятам, жутко топая и крича, гналось ужасное двуногое чудовище. Спасения от него не было. Раздался торжествующий вопль: «Есть!» — и сразу стало темно. Четверо малышей продолжали бежать из последних сил, а пятый был накрыт большой картонной коробкой.

Он царапался, визжал, даже пустил под себя лужу, но это не помогло. Вместе с коробкой его погрузили в кузов вездехода, и машина с лязгом и грохотом помчалась мимо покинутой норы.

Вернувшаяся с охоты мать, жалобно лая, долго бежала по зубчатой колее вслед за вездеходом, потом поняла безнадежность своей затеи и медленно, понуро пошла домой.

— Начальник, получай подарок!

Крепкая жилистая рука опустилась в коробку, но тотчас отпрянула назад. На смуглой коже алели капельки крови.

— Ох негодница! Ах ты шельма! Ну погоди же!.. — сердился рабочий Федор, перевязывая себе рану.

Я заглянул в коробку. В угол забился злобный дикий зверек, готовый постоять за себя. Хищные, отливающие синью глаза искрились ненавистью. Острые иглы белых зубов были в крови. Рыжеватая — цвета тундры — шерстка торчала дыбом.

— Это скорее Тундра, чем Шельма, — сказал я.

— Нет, первое слово дороже второго. Это Шельма! — запротестовал Федор.

— Ну что же, пусть будет Шельмой, — сказал я и закрыл коробку.

Мы жили в балке́ — небольшой деревянной будке на прочных полозьях. Трактор мог взять наш дом на буксир и везти по тундре. Стены внутри были обиты старыми одеялами. Двойные нары, прикрепленный к стене у крошечного оконца стол и чугунная печь составляли убранство этого дома.

Вместе с нами в балке жил лемминг. Звали его Яшка. Ирина отняла его в тундре у собаки. Яшка построил себе гнездо за обивкой стены и спал там в вате. Он был ручной и свободно гулял по балку. Когда мы возвращались с работы, он забирался на стол, садился на задние лапы, складывал передние на животе и невозмутимо рассматривал нас. Мы кормили его из рук хлебом.

Четвертой в нашем балке поселилась Шельма. Она жила в фанерном ящике из-под папирос. Когда я принес ее домой, Яшка засуетился и поспешно спрятался в своей норе.

Песец был дикий и злой, он рычал и кусался. Выпускать его из ящика было нельзя. Скоро лемминг перестал обращать внимание на ящик и стал гулять по балку, как и раньше.

Утром я разводил теплой водой сгущенное молоко, крошил в него хлеб и ставил миску с этой едой в ящик. Едва я открывал крышку, Шельма бросалась к выходу, стараясь укусить острыми тонкими зубами. И у меня, и у Ирины руки были искусаны так, что не оставалось живого места. Для защиты я стал надевать две пары грубых брезентовых рукавиц, прокусить которые песец не мог.

К еде Шельма не притрагивалась. Лежала в углу, неумело тявкала и выла. Только заслышав шорох Яшки, вскакивала, начинала метаться и скрести когтями.

Однажды, вернувшись домой, Ирина нашла в балке невероятный хаос. Перевернутый ящик валялся на полу. Со стен свисали клочья одеял. Яшкино гнездо было растерзано. Шельма лежала на нарах и удовлетворенно облизывалась.

Ирина все поняла. От прыжков Шельмы ящик опрокинулся и открылся. Освободившаяся пленница позавтракала Яшкой и хотела сбежать. Она изорвала обивку стен, но вырваться наружу не смогла.

За Яшку я наказал Шельму: поднял за загривок и больно настегал. Она опрометью бросилась в свой ящик и долго обиженно вздыхала и скулила.

После этого случая Шельма начала есть все без разбора: кашу, борщ из сушеных овощей, колбасу, мясные консервы.

Прошел месяц, другой, а песец оставался все таким же диким. Он больше не был похож на слабого щенка — вытянулся, окреп, из рыжего стал дымчато-серым. Но так же, как и прежде, исподлобья смотрел недобрыми коричневато-синими глазами и норовил укусить, нанося рваные раны.

Наступила осень. Мы переселились из балка в новый бревенчатый дом. В большой светлой комнате было много свободного места. Я сделал Шельме ошейник и привязал ее в углу на длинную веревку.

Она сразу же стала считать угол своим домом. Рычала и лаяла на всех, кто приближался; при намеке на опасность пряталась в знакомый ящик с песком, который заменял ей нору.

Все мои старания приручить ее ни к чему не приводили. Я разговаривал с нею, пытался приласкать. Она зорко следила за каждым движением. Стоило на сантиметр перейти установленную ею незримую черту — и она сердито скалила белые зубы.

На миску с едой бросалась как на добычу; не успеешь отдернуть пальцы — тотчас в них вонзаются острые клыки.

Иногда я садился напротив и подолгу смотрел на дикарку, пытаясь понять: чем же завоевать ее доверие? Это беспокоило Шельму. Она нервничала, глухо, про себя, рычала, потом вскакивала и нападала на меня, пока я не уходил.

Она оставалась неприступной, и это меня очень огорчало. Но какие-то признаки привязанности к людям в ней все же появились. Бывало, возвращаюсь я домой — она узнает мою походку. Навострит уши, насторожится и смотрит в том направлении, откуда слышен шум шагов. Обводит взглядом стены, вдоль которых иду, ждет, когда откроется дверь. Но вот я вошел в комнату — и снова Шельма дикий зверь.

Как-то на несколько дней я уехал. Все это время Шельма была не в себе. Скулила, металась на привязи, куда-то рвалась, плохо ела. Когда наконец услышала мои шаги, голос, завизжала с нотками радости, сдержанно несколько раз по-собачьи махнула хвостом.

Я бросился к ней:

«Здравствуй, Шельма!» — и встретил недоверчивый резкий взгляд и злой оскал зубов.

Я догадывался: в ней происходит тяжелая борьба. Врожденный вековой инстинкт спорит с навыками, приобретенными в новой среде. Чтобы победила привычка, нужен какой-то сильный толчок, повод, Но какой?

Нам привезли газовые плитки. Я установил плиту посредине комнаты, в угол против Шельмы. Федор принес баллон с газом. Высокий цилиндр с медной головкой и вентилем-краном был похож на красного коренастого человека, который молчаливо и враждебно стоял в углу.

Увидев баллон, Шельма задрожала мелкой жалобной дрожью, сжалась в комочек и забилась в свой угол. Новый предмет внушал ей отчаянный ужас. Он возвышался над нею беспощадный и угрюмый, подавляя неподвижностью, и она не могла отвести от него испуганных глаз. Дрожь колотила бедную Шельму так, что у нее не было сил спрятаться в ящик.

Я подошел и взял ее на руки. Она прижалась ко мне бессильным холодным телом, ища защиты. Я гладил ее, она доверчиво прятала голову в складки одежды.

Так мы провели вместе несколько часов. Шельма успокоилась и согрелась, но освободиться от нее было нельзя. Стоило встать, чтобы переложить ее в ящик, как раздавалось грозное рычанье и в мои руки впивались ее когти. Пришлось лечь в спальный мешок вместе с нею.

Теперь она не скрывала радости при нашем возвращении домой. С ящика прыгала на плиту, оттуда на плечи и устраивалась вокруг шеи, словно меховой воротник. На баллон не обращала внимания, делала вид, что не замечает его. Но приближаться к нему не позволяла, предупреждая ворчанием и когтями.

Она любила играть, как любят это маленькие щенки и котята. А вдоволь наигравшись, забиралась в спальный мешок, ложилась мне или Ирине на шею и засыпала.

К зиме у Шельмы стал отрастать новый наряд. На голове и ногах короткая пепельно-серая шерсть сменилась длинной белой, на спине и боках дымчатый летний мех начал линять, уступать место белоснежному, зимнему. Хвост сделался пышным, пушистым и теплым. Даже подошвы лап покрылись густой плотной шерстью.

— Шельма уже совсем ручная, давай отвяжем ее, — сказала Ирина.

Я снял ошейник. Шельма радостно прыгнула на свое любимое место, на кровать. Мы отправились на работу.

Вечером я еще издали услышал в комнате лай и возню. Недоумевая, что могло случиться — Ирина еще не вернулась, а посторонних Шельма не признавала, — я поспешил отворить дверь.

Все в доме было вверх ногами. Обувь, белье, книги, продукты перемешаны в кучу. Банка с вареньем разбита, от нее протянулись липкие сладкие разводы. Спальные мешки всклокочены.

Довольная, разгоряченная Шельма сидела сверху и лукаво смотрела на меня, ожидая, что я приму участие в игре. Ее длинная белая шерсть была испачкана клубничным вареньем, к которому прилипли какие-то перья, обрывки газет, клочья оленьего меха.

— Мамочки! — всплеснула руками Ирина, войдя за мной.

Мы принялись исправлять положение. Убрав комнату, достали корыто, нагрели на газовой плитке воды. Я взял Шельму за лапы и погрузил в ванну.

Что тут было! Бедняга билась и визжала, словно с нее спустили шкуру. Царапалась, огрызалась. Наконец вырвалась, бросилась в свой угол и давай кататься в песке. С большим трудом удалось поймать ее и повторить купальную процедуру.

После купанья Шельма стала удивительно красивой. Нежный белый мех переливался снежной волной. На боках сизыми тенями лежали дымчатые подпалины. Гибкая, грациозная, она, казалось, не прыгает, а летает. Федор, который давно не видел ее, обомлел от восхищения:

— Экая королева! А каким противным щенком была!

Он все не мог простить ей первого укуса. А она словно поняла, что речь идет о ней. Оскалилась, скользнула мимо, легко взлетела Ирине на плечи и притворилась, что дремлет.

Началась зима, наступила долгая полярная ночь. Северный ветер обрушивался на наш дом мощными порывами, от которых дрожали стены. Снежные вихри шелестели о заледеневшие стекла, в трубе не затихали завывания пурги.

Шельму привлекали доносившиеся снаружи звуки. Она с живым интересом вслушивалась в них, старалась по-своему понять и оценить.

В пургу она совсем преображалась. Наливалась энергией, силой. Вскакивала на стул, пытливо всматривалась в замерзшее окно. В глубине глаз искрился восторг, ноздри раздувались, уши и хвост трепетали.

Я решил вывести ее на прогулку.

Надел нагрудник из сыромятной кожи, привязал к нему длинный шнур. Вынес песца из комнаты и пустил в снег.

Пурга бушевала. Под натиском ветра было трудно стоять. Снег летел сплошной гудящей завесой, мешая дышать.

Шельма несмело осмотрелась, обнюхала воздух и нерешительно ступила в темноту. Ветер взъерошил ее белую шерсть, пересыпал снегом, толкнул в сугроб.

И тогда она осознала прелесть свободы. Присела, ловко подскочила и бросилась навстречу стихии. Зарывалась в снег, купалась в нем, пряталась, убегала, восторженно тявкая и рыча. Хватала снег ртом, каталась на спине — гибкая, ликующая, неудержимая. Все дальше тянулась на длинной веревке в глубь пурги. Я едва стоял на ногах, сопротивляясь толчкам ветра, а ей хоть бы что!

С тех пор мы гуляли каждый вечер. В тихие ночи, когда тундра безмолвна и озарена только синим сиянием холодных звезд, Шельма казалась светлой тенью. От прогулок она стала холеной, стройной. Пышная тонкая шерсть отливала блестящей лунной белизной. Лишь на боках еще оставались пепельные подпалины.

Л. МИРОШНИКОВ

Тихий океан. Здесь в объятиях суровой стихии затерялись Командорские острова. Самый большой среди них — остров Беринга, где расположен центр Командор — поселок Никольское. Рубленые бревенчатые дома его голубовато-серые от времени и соленых ветров. Это старое село, много штормов видавшее на своем веку. А выше, с живописной террасы, смотрит на залив веселыми окнами домиков новое Никольское. Смотрит на маленький островок Арий Камень, на светлый песчаный пляж.

Пустынной кажется лайда, но ты знаешь, что остров Беринга — шумливое царство котиков, и невольно спешишь туда через сопки и распадки.

Вместе с сотрудником Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии Петром Никулиным обходим довольно обширное лежбище ластоногих.

С высокой крутой дюны открывается примечательная картина. Кажется, что вдали, у светлой полосы прибоя, разлеглось на отдых огромное деревенское стадо — настолько голоса котиков сходны с мычанием коров, блеянием овец и козлят. Словно ягнята плачут «черненькие» — так называют здесь малышей, — оглашенно ревут секачи, вступая в жестокие схватки, пофыркивают заботливые мамаши, отыскивая в беспорядочной толпе своих малышей.

До осени живут на Командорах котики. Потом отправляются к берегам Японии, в теплые воды, чтобы следующей весной в пасмурные дни, когда гонит океан хмурые волны, вернуться обратно к туманным и суровым берегам.

Б. ЛИЕЛМЕЖА
Фото. Г. Смирнова

Беловежская пуща. Высоченные ели соперничают здесь с краснорствольными соснами, вековые дубы охраняют покой ромашковых полян. И совсем не удивляет, что в этих сохранивших первозданную прелесть лесах, среди высокого разнотравья пролеска или дремучего ельника появится вдруг лесной гигант — зубр. Неуклюжий с виду, он легко преодолевает любые заросли, а при случае выказывает поразительную сноровку. В ярости вспахивает зубр рогами землю, выворачивает с корнем маленькие деревья, рушит копытами кустарник.

Сегодня встретить зубра в пуще не в диковинку. К ним привыкли и егеря, и окрестные жители. Но недавно животные эти были редкостью.

Наши ученые восстановили стадо лесных великанов. Беловежская пуща — одно из немногих мест, где зубры живут в естественных условиях.

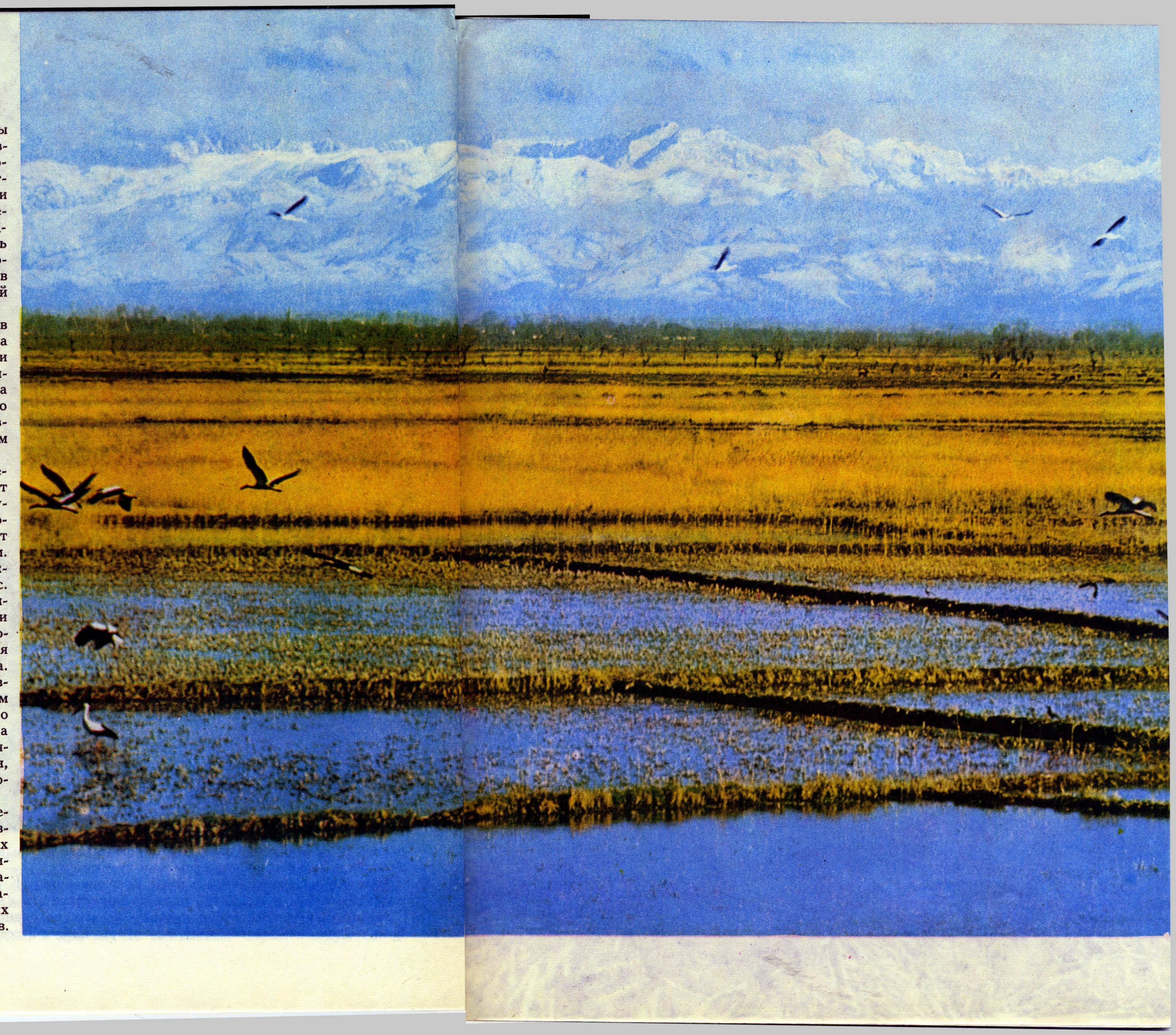
Издалека видны голубые минареты, возвышающиеся над глинобитными кровлями; играет всеми красками мозаика на стенах мечетей; глубокие тени подчеркивают ребристость куполов. Это Самарканд, раскинувшийся в цветущей Зеравшанской долине.

Немало памятников старины находится на территории долины: эти места издревле заселялись. Ведь тут была река, а воду и землю принято считать в Узбекистане неразрывным целым.

Река Зеравшан. В переводе это означает «несущая золото». Звучит это глубоко символично: ее воды несут жизнь садам и полям.

Но больше всех нуждается в воде рис. На участках, обнесенных земляным валом и затопленных водой, произрастает эта древняя зерновая культура. Много хлопот доставляет она мелиораторам и рисоводам, но много и дает. Высокая у риса урожайность: ведь тянет он к солнцу не один, а целую метелочку колосков.

Вот уже сколько веков рис служит основным питанием у многих народов. И в Узбекистане трудно представить себе стол без традиционных рисовых блюд: плова, голубцов.

ГЛУХАРЬ —

ПТИЦА ДРЕВНЯЯ

На лесной поляне стоит большое строение. Полом служит густая высокая трава, а потолком и стенами — мягкие сети. Сети белые; и издали кажется, что все строение погружено в таинственный молочный туман.

За сеткой недалеко от меня не спеша прохаживается огромная краснобровая птица. Темная, с белыми отметинами на боках. Глухарь. Подошел к самой сетке. Вытянул шею. Приоткрыл светлый клюв, будто от удивления. Нацелился. Хлоп! Сглотнул комара с сетки.

Я стою от него в двух шагах, но на меня он внимания не обращает.

Постоял. Почесал клювом под крылом, потом лапой поскреб шею. Прошелся. И остановился прямо против меня. И вдруг распустил хвост веером, на шее оттопырил воротник из перьев. И даже бородка под клювом у него затопорщилась. Грудь стала широкой, и вся птица словно раздулась, напыжилась. Это уже для моего устрашения. Но тут же оперение глухаря стало опадать, и его вид стал прежним. Попугал — и хватит. Видимо, особого страха я

знать
беречь
множить

у него не вызвала, и хорохорился он больше так, для тренировки.

А глухарки, коричневые курочки-рябы, спокойно сидят на крыше навеса и никакого беспокойства при виде меня не испытывают. Привыкли к людям.

В соседней вольере такие же глухари и глухарки. А держатся иначе. При моем приближении они явного страха не выказали, но тут же не спеша, о чем-то толкуя меж собой, стали уходить в глубь вольеры. Спокойно, будто и не из-за меня, а вот ушли. Не приручились еще.

Глухарь — птица дикая, древняя. До недавнего времени попытки разводить ее в неволе ни к чему не приводили. Поэтому опыт Дарвиновского заповедника особенно интересен. Еще в прошлый свой приезд я узнала, как это началось.

— Поймали одного глухаря в ловушку. Самца, — рассказывали мне. — Посадили в специальное помещение. На полу — солома. Жерди поставили. А он через несколько дней нахохлился. Взяли на руки. А он на руках и скончался.

В другой раз насобирали в лесу глухариных яиц. Принесли в термосах, чтобы не остыли. Подложили под курицу. Она высидела — высидела, а как вылупились птенцы, пошли недоразумения. Пищат глухарята не как цыплята. Курица их не понимает. Злится. То одного клюнет, то другого. Только через месяц столковались. Правда, за это время много птенцов погибло.

С тех пор прошло несколько лет. Мне не терпелось повидать Вячеслава Васильевича Немцова. Но его все не было. Потеряв терпение, я отправилась искать Елену Константиновну, которая ухаживает за глухарями.

— Она на брудере, — строго сказала мне молоденькая лаборантка в очках и еще строже добавила: — И, кажется, посторонним туда нельзя.

Сооружение под странным названием «брудерхауз» я разыскала на «задах» поселка. Это был маленький домик с верандой, окруженный мелкой металлической сеткой.

У домика я застала Елену Константиновну, женщину средних лет, очень спокойную и ясноглазую. Но она обошлась со мной сурово.

— Показать — покажу. Но только снаружи. А расскажет Вячеслав Васильевич. Он скоро приедет.

За сеткой копошились птенцы. Рябенькие, в черную клеточку — тетеревята; покрупнее, рыженькие — глухарята.

Елена Константиновна сорвала несколько головок клевера и просунула сквозь сетку. Душистые красные головки не остались без внимания. Птенцы столпились у сетки и, расталкивая друг друга, старались выдрать из них кусочек. Не обошлось без драки. Один из птенцов клюнул брата прямо в темечко.

— За что ты его? Нельзя драться! — возмутилась Елена Константиновна. — Скажи пожалуйста, в самое больное место ударил!

Восстановив справедливость, она стала мне пояснять:

— Этим большим петушкам уже по сорок пять дней. — Она залюбовалась задиристыми крупными птенцами, которые уже меняли свое детское рыжеватое платье на взрослое: у них появились черные хвостики и рябые грудки. — Скоро петь будут, — мечтательно продолжала она. — И так неуклюже у них получается. Крылья и хвосты распустят, словно взрослые. А цоканья того нет. Их бы сейчас на волю. Вот бы взлетели! Я все прошу, чтобы им дали вырулы большие; говорят нельзя, могут заразиться. До трех месяцев придется держать на сухом песке.

Елена Константиновна, видимо, забыла о своем намерении не давать пояснений.

— В прошлом году без потерь всех подняли. Если удастся прошлогодний опыт, можно говорить — добились! Очень мне нравится их доверчивость. Птицы как-то привыкают к человеку, который за ними ходит. Не то голос узнают, не то еще как. Хочется очень их поднять... Вот бы вам их сфотографировать. Только ведь они в клеточку получатся. А в глухарятник нельзя заходить. Стерильность! Марганцовкой моем, а то и с хлоркой, и после проветриваем.

— Сколько же времени вы тут заняты?

— Да почти все двадцать четыре часа, — смеется Елена Константиновна.

— Одна?

— С дочерьми. В три смены.

Мы и не заметили, как подъехал Вячеслав Васильевич. Прислонив к дереву велосипед, он подошел к нам, держа в руках бидон.

Вячеслав Васильевич запомнился мне человеком энергичным, деятельным и уверенным в себе. Мы стояли тогда с ним у вольеры, в которой неторопливо прохаживалась крупная пестрая глухарка. Вокруг нее, попискивая, беспечно топтались пушистые птенцы, ища в траве лакомых мошек. Глухарка то и дело останавливалась, вытягивала шею и, вертя головой, прислушивалась: не грозит ли кто ее детям.

Это был первый глухариный выводок, родившийся в неволе. И хотя сложностей и трудностей, что ни день, возникало немало, казалось, опыт удался. Теперь этих ценных птиц, которых в природе становится все меньше, можно будет разводить в питомниках и потом выпускать в леса.

Вячеслав Васильевич был в отличном настроении, выглядел победителем. А сейчас, когда в вольерах столько великолепных птиц, он говорит очень сдержанно, даже, пожалуй, осторожно:

— Создать маточное стадо нам удалось. Восемьдесят птиц. Здоровых, сильных. Вы их видели. А вот вырастить молодняк в искусственных условиях очень сложно. Самый дешевый способ — выращивать с матками в выгулах. С него мы и начали. Но из этого ничего не получилось. Такой способ не обеспечивает стерильности. Обязательно заносилась инфекция, и птенцы гибли.

Глухарь живет на болотах, и иммунитета к инфекциям у него не выработалось. Вообще надо сказать, глухари и тетерева изучены слабо — слишком недоступны они в природе. Вот и изучаем их здесь, все их особенности. В брудере мы пытаемся создать стерильную обстановку. Впервые содержим выведенных в инкубаторе птенцов на искусственном грунте. Пол здесь цементный, чтобы никакой червь не проник, сверху же он покрыт речным песком, промытым и прокаленным. Ну, искусственный грунт, можно сказать, мы создали. А корма? С ними ведь тоже можно занести инфекцию. Тогда мы разработали специальный рацион. Считалось, например, раз это родственники кур, то и кормить птенцов надо как цыплят — кашей, яйцами. А им, оказалось, в первые дни жизни необходимы животные корма. Вот и ведем экспериментальную работу, наблюдаем, пробуем...

Пока мы разговаривали, Елена Константиновна взяла бидончик, который привез Вячеслав Васильевич, и вошла в вольеру. Тотчас к ней со всех ног заспешили птенцы.

— Как к маме, — заметил Вячеслав Васильевич.

Елена Константиновна достала длинный пинцет и подцепила им из бидона мучного червя. Червяк извивался, зажатый пинцетом. Птенцы пришли в неистовство и ринулись к Елене Константиновне. Схватить его удалось самому большому и шустрому. Он бросился с ним бежать. Остальные — за ним.

— Ну, начинается футбол, — сказал Вячеслав Васильевич. — В чужом клюве все кажется вкуснее.

Птенцы носились по вольере, вырывая червяка друг у друга, пока наконец не заметили, что Елена Константиновна держит пинцетом другого, не менее привлекательного. Тогда все кинулись к ней.

— Кр-р-ру! — вдруг гортанно произнесла Елена Константиновна.

— Ну зачем вы? — недовольно покачал головой Вячеслав Васильевич.

Но птенцы уже ринулись врассыпную. Забыв о лакомых червях, они замерли в углах вольеры.

— Это сигнал опасности, — объяснил Вячеслав Васильевич. — В природе, когда наседка подает этот сигнал, птенцы вбуравливаются в траву, замирают и ни за что не выйдут до отбоя. Давайте же отбой, — обратился он к Елене Константиновне.

— Ала-ала-ала, — произнесла она.

И птенцы тотчас встрепенулись и вернулись к прерванным занятиям. Инкубаторные. Выросли без матери. Никем не обучены. А вот прекрасно знают сигнал тревоги и молниеносно на него реагируют. Это одно из многих знаний, которые передаются по наследству. При сигнале тревоги страусиные яйца, например, раскатываются в стороны. Еще до вылупления на свет птенцы реагируют на жизненно важные сигналы. Так рано и так остро проявляется в них инстинкт самосохранения.

— Глухарь — птица древняя, — говорит Вячеслав Васильевич. — Он плохо приспосабливается к изменившимся условиям среды. В зоопарках глухари больше месяца не выживают, гибнут от инфекций. Птицы эти дикие. У них реакции мгновенные. Ринутся от опасности и нередко разбиваются. Иногда у птиц бывает шок от страха и перенапряжения. Возьмут их в руки, а они так в руках и погибают. Одним словом, работать с такой птицей трудно. Надо ее сначала приручить. Вот мы и пытаемся вырастить доморощенных птиц. Но процесс этот идет очень медленно. Мы считаем, что единственный целесообразный способ выращивания этих птиц — инкубаторно-брудерный. Полагаем, что таким способом можно будет разводить на птицефермах глухарей в неволе. Не должна эта птица исчезнуть с лица земли. Непременно будет жить на белом свете, и не в девственных лесах, а вблизи городов, вблизи человека.

Е. СУРОВА

Ох, какие волны бывают на Байкале! Когда задует суровый ветер баргузин, не каждый решится выйти в открытое море на шлюпке. Оно действительно как море, наше уникальное сибирское озеро. Свыше 30 тысяч квадратных километров площадь Байкала, ни одно озеро в мире не может сравниться с ним по запасам прозрачной пресной воды. Это и понятно, ведь здесь поистине океанские глубины, достигающие 1741 метра.

Байкал — это и синь воды, и тяжелый ход омулевых стай, и золотые в рассветном солнце вершины хребта. Но и таким бывает Байкал. Вот уж повисли сосульки на прибрежных камнях, припорошило снегом сосны и ели, а он все не сдается, сердится, зажигает радугу брызг от свирепых волн. Но ударят морозы покрепче — и встанет скованное ледяным панцирем озеро.

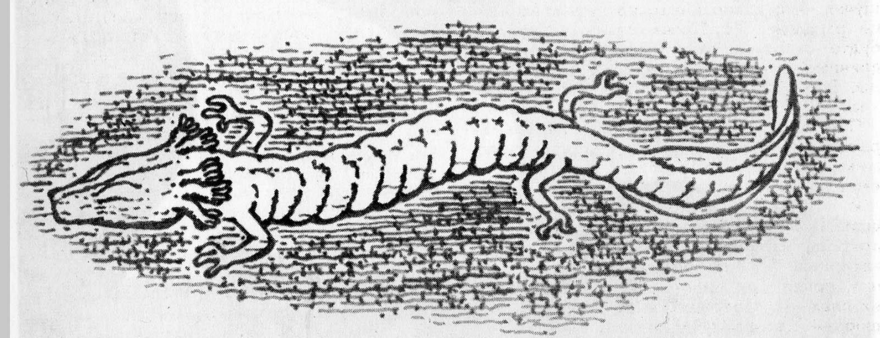
Пожалуй, среди всех наших заповедников этот—необычный, на особицу. Сначала поражает тайга, уходящая вверх по отрогам горных Саян, а потом скалы. Идешь по широкой тропе, вдыхаешь смолистый запах соснового бора и только на перевале, если можно так назвать большую поляну, переведешь дух. Оглянешься — и поразишься невольно: вот это утесы! А потом снова вверх, чтобы поближе рассмотреть диковинного каменного деда, нахлобучившего на лоб шапку-ушанку, перья загадочной птицы, застывшие на века, или суровое изваяние огромного орла. Да, это и есть «Столбы» — уникальный сибирский заповедник неподалеку от Красноярска.

Здешние скалы сложены из сиенита теплых розовых тонов. Такую окраску придали ему ветер, вода, жара и мороз. Миллионы лет разрушали они осадочные породы и построили этот музей естественных скульптур из сиенитовых скал. За свою схожесть туристы назвали некоторые скалы «Дедом», «Беркутом», «Перьями».

Заповедник «Столбы» образован в первые годы Советской власти. Метеорологи и ботаники, геофизики и зоологи ведут здесь постоянную научную работу.

Фото В. Житникова

ПРОТЕЙ— ПОДЗЕМНЫЙ ЖИТЕЛЬ

«Ольм — страшный дракон — затеял игру в горах!» — с этой вестью пришли к священнику крестьяне словацкой деревни Ситтих. Это было в 1751 году, во время большого наводнения. Реки вышли из берегов, затопили поля и селения. Бурные потоки изливались на поверхность гор и холмов из щелей и дыр — входов и выходов пещер и гротов, переполненных многодневными ливнями. Они и вынесли на свет божий виновника всех этих бед, согласно местным поверьям, — ольма!

Жалкое, однако, существо представилось глазам священника, когда он поспешил за перепуганными своими прихожанами к вздувшейся от паводков реке. Слепое, бледное, похожее на тритона существо с пучками жабр по бокам головы и крохотными лапками слабо извивалось у его ног.

Священник осторожно поднял с земли хрупкое создание, заспиртовал и послал своему знакомому натуралисту. Тот описал его под названием протея (с этого, собственно, и началось изучение фауны пещер).

Протей, или, по-местному, ольм, — житель подземного царства. Пещеры Триеста (северо-восточная Италия) и прибрежных областей Югославии — его родина. Лишь во время сильных наводнений и ливней вздувшиеся потоки иногда выносят его на поверхность земли. Предпочитает он воды тихие, которые текут ровно, небыстро, но может жить и на суше (в лабораториях неделями!). Вылезает из воды и ползает по сырой глине или известняку и прочим наносам и отложениям подземного сухопутья. Кроме жабр, у протея есть и легкие. Дышит он и всей кожей. Она цветом желтовато-белая, нередко и красная — в общем, нет в ней никаких пигментов.

Протей — альбинос. Но если поживет он некоторое время не в темноте, а в освещенном месте, то его тело покрывается бурыми и черными пятнами. Значит, пигмент кожей протея утерян не полностью.

Бледное червеобразное тельце протея длиной сантиметров двадцать — двадцать пять. Лапки крохотные, для пеших путешествий малопригодные, на передних по три малюсеньких, словно бы зачаточных,

пальца, на задних — только по два. Хвост сверху и снизу с неширокой каймой (нужной для плавания). Голова вроде бы как щучья — с удлиненным, но тупым на конце рыльцем. По бокам, сзади на голове, будто бахрома, слегка трепещут две недлинные кисточки, волнуемые током воды. Это жабры. Протеев без жабр не бывает.

Протей, как и аксолотль, — личинка-переросток. Немолодое дитя, вроде головастика, который не захотел, а точнее, не смог стать лягушкой.

И вот живет, до смерти оставаясь морфологическим «ребенком». Это редкое в природе явление — размножение «головастиков», то есть ювенильных по внешним признакам животных, без обычного в их племени превращения во взрослую стадию — называют неотенией.

Жабрами дышат личинки всех тритонов и саламандр, а протей тоже своего рода тритон, только особого семейства, в котором всего лишь пять видов. Протей относится к европейскому виду. Другие четыре — американские. Родина их — восточные области Северной Америки. Эти заокеанские родичи протея не пещерные жители.

Протей — слепец! Нечем ему смотреть, да и незачем: тьма беспредельная там, где он живет. У молодых протеев еще можно разглядеть точечные обозначения на месте недоразвитых глаз. Позднее атрофированные (точнее, редуцированные) эти глазки-точечки совсем зарастают кожей, и снаружи их не видно.

Казалось бы, у слепого узника подземелий незавидная судьба, жизнь убогая, повадки примитивны: плавает или ползает во тьме с единственным устремлением съесть какое-нибудь ракообразное или насекомое. Но нет, живет протей по-своему полной жизнью. Он проявляет различные эмоции (ревность, агрессивность, нежные отцовские чувства). У него есть привязанности к подруге, к обитаемой территории, родительская ответственность. Как показали недавние наблюдения французских исследователей, у протеев довольно сложное поведение.

На северных предгорьях Пиренеев в особом бетонном бассейне с соответствующим грунтом, проточной водой, в которую были пущены водные насекомые и брошены опавшие листья, древесная труха и растения, создали биологи искусственные условия, близкие к тем, в которых обитают в пещерах протеи. Протеев поселили в этом бассейне. Они жили неплохо, не голодали, не болели, но размножаться почему-то не хотели.

До этого уже было известно, что вода нужна протеям «жесткая», богатая растворенными карбонатами кальция, сравнительно прохладная — от 6 до 15 градусов по Цельсию — и полный мрак. В таких условиях у некоторых любителей протеи жили по восемь-десять лет. Однако размножались исключительно редко.

Французские исследователи все сделали, как надо, как подсказывал опыт. Но ольмы, обретя на новом месте вполне сносные бытовые условия, обзаводиться детьми, как видно, не собирались.

Чего-то им не хватало. Меняли температуру воды: повышали, понижали и наконец остановились на средней — 11,5 градуса. Никакого эффекта. И лишь когда положили в бассейн большие камни и глыбы известняка, стиль поведения протеев сразу изменился. Они заползали между камнями, забеспокоились, заметно оживились.

Каждый самец избрал укромный уголок под камнем и небольшое место около него — индивидуальную территорию, как говорят биологи. Охранял ее от соседей, которые старались прибавить к своим владениям лишний кусок, и от нерасторопных самцов, не успевших еще обзавестись собственным имением. Слепой, на вид беспомощный житель мрака весьма агрессивно и отважно боролся за жизненное пространство для своего потомства. Вскоре в тех местах, которые сильные самцы сумели отстоять, самки, их подруги, отложили большие яйца. Каждое на некотором расстоянии от другого было приклеено к камням в укромных уголках и щелях. Самки тоже активно защищали свою территорию. Но потом охладели к этому делу и покинули яйца. Самцы же несли бдительную вахту, пока не вывелись личинки. Случилось это приблизительно через пять месяцев. Детишки родились крупные — 2,2 сантиметра длиной. Зачатки недоразвитых глаз, отчетливо у них заметные, доказывают, что предки протеев жили когда-то не во мраке пещер и глядели на солнечный мир вполне нормальными глазами.

Нужно ли говорить, что к драконам, злым духам и прочим мифическим порождениям невежества протей не имеет никакого отношения и причиной стихийных бедствий быть не может. Напротив, он сам их жертва: большие паводки и наводнения выносят его на поверхность земли, в мир, гибельный для него. Народная фантазия соединила в едином вымысле и грозные силы природы, и странных «неземных» существ, появляющихся во время наводнений. Так родилась легенда об ольме — миниатюрном, но всесильном драконе, повелителе горных рек.

И. АКИМУШКИН

Рис. В. Карабута

День добрый, ребята славные! Все ли тут, все ли собрались? Тогда сидите тихохонько да слушайте внимательно — сказку стану сказывать новую.

...В некотором царстве, в книжном мудром государстве жили да были сказки разные, народные. Вот однажды в пору ночную — хотите верьте, хотите нет, — только высыпал из всех книжек сказочный народ. Шумят, говорят, в руках расписной ларец несут.

Прознали-проведали они: есть на свете пятнадцать чудо-сестер. Все в мире да согласии живут, добро наживают, горя не знают. А уж сами-то собой хороши, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Да знай себе с каждым годом все краше расцветают да хорошеют. А помогает им в том слово силы могучей, богатырской. Слово то спрятано в этом ларце расписном. Отыщете — смело в путь отправляйтесь, про тех сестер узнаете.

Разгадала я то слово, разыскала. И вы разгадайте.

А я тотчас в путь-дорогу снарядилась. Гляжу, румяный колобок катится: «Я тебе помогу: путь-дорогу укажу». И покатил...

Долго ли, коротко ли, только очутились мы вдруг совсем в новой книжке. Вроде и не сказка, а в ней и шустрый мальчишка Луковка, и старик — борода длиннющая — Хоттабыч, Айболит и Мюнхгаузен. А хозяева — люди любопытные, любознательные, Почемучками прозванные.

Дай, думаю, послушаю, о чем говорят.

Одни про красоту края теплого, моря синего; другие докладывают, как укротили речку быструю, неуемную; третьи расписывают богатства города нового... И все чудо-сестер называют, во владениях которых люди чудеса творят сказочные.

Целый год Почемучки все рассказывали, красоту своих мест родных расписывали. А я слушала, диву давалася, и всем, кто про чудо-сестер рассказывал, низкий поклон за то. Тут и сказке конец.

— Э, Василиса Премудрая, это сказке конец, а заседание нашего Клуба только начинается.

Слово уважаемому жюри.

Жюри Клуба Почемучек благодарит всех без исключения ребят, приславших рассказы о красоте родного края, выполнявших задания Клуба, отвечавших на вопросы Почемучек.

Сегодня мы называем имена самых любознательных и находчивых Почемучек, тех, кто активно работал в нашем Клубе и заслужил награды.

Вот они:

«Клуб Почемучек» школы № 4 (г. Пенза), Шилин Миша (Ленинград), Герасименко Марина (Звенигород Московской области), Дмитриев Саша (деревня Буинск Чувашской АССР), кружок юннатов средней школы № 1 (г. Валдай), кружок юннатов средней школы № 11 (г. Гусь-Хрустальный), Борейко Володя (г. Донецк), Вронская Алла (с. Константиновка Херсонской области), Бунькова Таня (г. Туринск), Пожоджук Дима (с. Космач Медвежий Ивано-Франковской области), Нагорнюк Слава (с. Мизюринцы Тернопольской области), Толкачева Галя (с. Шегарка Томской области), Стрелкова Лена (г. Ангарск), Егорова Тамара (г. Рига), Гончарова Наташа (г. Саратов), Кондрюк Галя (с. Чернятино Приморского края), Ольховенко Олег (г. Киев), Фролова Лена (с. Доброе Липецкой области), Сорокина Таня (ст. Линда Горьковской области), Буданов Слава (г. Моршанск Тамбовской области), кружок садоводов областной станции юннатов (г. Пенза), Климов Валера (г. Нижний Тагил), Грачева Ира (Москва), Семешина Мила (Москва), Середина Тамара (с. Рыбинские Буды Курской области), Склярова Ира (Москва), Белорукова Галя (Ленинград), Ена Андрей (г. Симферополь), Карпова Света (г. Стрый Львовской области).

— А теперь пора открывать сегодняшнее заседание. Сделают это Почемучки — участники конкурса «Край родной, край любимый».

Счастье жить в Братске

Братск — это город дружбы, молодости, цветов. Скажешь «Братск» — и вспоминаешь о людях, которые создавали этот прекрасный город и ГЭС. Если видишь Братск в первый раз, то просто не верится, что ему семнадцать лет. Подумать только: двадцать лет назад здесь была непроходимая тайга, где почти не ступала нога человека, а только вразвалку проходил хозяин тайги — миша-медведь.

И вот со всех уголков нашей страны съехались сюда люди. Они горели желанием как можно быстрее создать гигант среди гидроэлектростанций — Братскую ГЭС. ГЭС строила вся страна. Белоруссия... Оттуда, с Минского автозавода, приходили МАЗы и другие машины. Солнечная Армения... Она присылала в Братск людей, за плечами которых немало тоннелей, пробитых в хребтах Кавказа. Отовсюду сюда съезжались специалисты, чтобы помочь возводить город.

Сейчас Братск — красивый современный город, но все-таки главное здесь — люди.

Какое счастье, что я живу в этом городе!

ЖЕНЯ ВОЙЦЕХОВСКАЯ

г. Братск

Золотая Фергана

Я живу в Фергане и очень горжусь красотой своего города. Фергана лежит на дне высохшего моря. Она прекрасна и весной, и летом, и осенью. У нас есть и хлопок, и нефть, и кокон, и минеральные воды, и красивые, благоухающие сады!

Особенно красива Фергана весной, когда цветут фруктовые деревья. Кажется, будто не деревья, а красавицы стоят в свадебных уборах.

В мае у нас собирают кокон. Он бывает и белым, и розовым, и желтым, и салатовым. После сбора кокона цветет хлопок. Он как бы вбирает в себя все краски мира. А осенью хлопок созревает. В это время поля очень красивы.

Может показаться, что весь хлопок собрали в один миг, но собирать хлопок нелегко. Он зреет каждый день, и так до поздней осени.

Мне хочется сказать спасибо нашему народу, превратившему наш город в благоухающий сад.

ОЛЯ ЖУМАГУЛОВА

г. Фергана

Моя Москва

Кто живет в деревушке на берегу быстрой речушки, кто — в степи, пестреющей ковром из тюльпанов, кто — в поселке среди дремучего леса. А я в Москве живу.

Это прекрасный, замечательный город. Но многим кажется, что Москву можно любить только за величавость улиц, красоту зданий, за быстроту автомобилей. А природа? Какая же может быть природа в таком индустриальном городе? Но это не так. Совсем не так.

Я живу на окраине Москвы. Маму это немножечко огорчает, ей хотелось бы жить в центре, а я очень довольна и не хочу никуда уезжать. Потому что каждый день могу любоваться раскинувшимися рядом маленькими лесами, голубыми озерками. Это так замечательно! Тот, кто хоть раз побывал здесь, никогда уже не забудет московских просторов.

Я люблю Москву за Ленинские горы, за московские парки. Ведь это город мой родной, где я родилась, почти выросла и, наверное, останусь жить навсегда!

ТАНЯ ЮДИНА

Москва

Пусть будет так всегда!

Наш город раскинулся по берегам Днепра, чудного и величавого. Большой и красивый наш город. С широкими улицами и проспектами, с магазинами и кинотеатрами, со школами. Есть у нас и заводы, которыми мы славимся.

Большой известностью пользуется наш заповедник — Хортица.

С самой весны и до осени зелено в городе. У каждого дома растут деревья и цветы. Красиво у нас! А весной за городом степь ковром лежит и переливается желтым, красным, белым и лиловым — это цветут тюльпаны и ирисы. Красиво...

Сейчас зима. И нет цветов, спят деревья, и степь до весны спит, чтобы весной зацвести, засиять с новой силой.

Люблю я наше родное Запорожье! Люблю Украину! Пусть так хорошо будет всегда и везде!

ТАМАРА ДМИТРИЕВА

г. Запорожье

Как в сказке

Понятно, что каждому свой край дорог и любим. Я живу в городе Электростали. В нем, как и в любом другом городе, есть своя гордость, своя сила и своя природная краса.

А сейчас мы отправляемся в сказку, которую будет рассказывать нам сам лес.

Зима позаботилась о всех. Елям и соснам она сшила шубы, шапки и рукавицы из пушистого меха, отделанного жемчужными оборками. Для березки соткала нарядное золотистое платьице, переливающееся всеми цветами радуги на солнце, которое раскинуло свои золотистые нити по лазурно-голубому небу.

Вот на сучке заснеженном сидит ворона. Она величественно взмахнула крыльями — и с веток посыпались золото, жемчуга, бриллианты.

Открывает нам снежную дверцу сказочный теремок. На самой верхушке его крыши, сплетенной из еловых веток, сидит снегирь. Он так красиво и нарядно одет! Черненький беретик, выделяющийся на белом фоне, красненький кафтанчик и черненькие туфельки.

Оделся хрустальным льдом пруд. Воздух чист и свеж.

Наше путешествие в сказку продолжается. Но что там? Вот посыпался снег с ветвей, и рядом мелькнул рыжий хвостик. Сразу можно догадаться, что это та самая белочка, которая песенки поет да орешки все грызет.

Тишина. Лес заснул до весны. «Тюи-тюи!» — поет синичка, и ее пение разносит по всему лесу эхо.

Тук-тук-тук. Это дятел ищет себе корм. Ну вот и все наше путешествие.

НАТАША ЯКОВЛЕВА

г. Электросталь

Хороша ты, Ладога!

Как хороша, как величава моя родная Ладога! Ни с чем не сравнить ее голубые дали, синие глубокие воды, большие пенистые волны! Ладога — это озеро морских бурь и осенних туманов. Но если посмотреть на нее летом, то не захочешь отрывать взгляда от широких просторов ее, от чернеющих вдали рыбацких судов и от громадных белых, дико кричащих стай чаек.

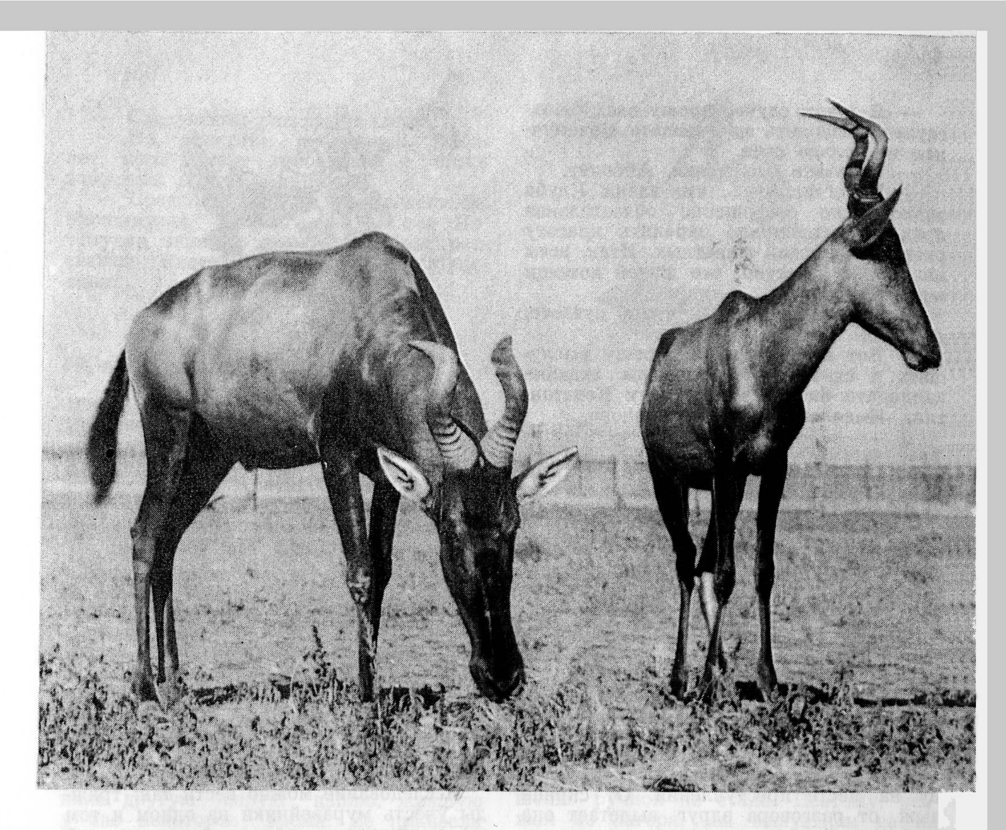
А как прекрасны ладожские обрывистые, скалистые, все в зелени от сосен берега!

Тот, кто не бывал на Ладоге, не знает чудесного запаха лесного ландыша, красивых маленьких цветков дикой сирени, белых, облетающих, как хлопья снега, лепестков стройной прибрежной черемухи.

Я очень люблю свой край, и для меня нет ничего лучше моей родной Ладоги.

ГАЛЯ МАСЛЯНКО

с. Ваганово
Ленинградской области

— Заседание Клуба Почемучек продолжается.

— Взгляните-ка, дорогой Мюнхгаузен, не приходилось ли вам во время ваших путешествий встречаться вот с таким животным?

— Что-то не припоминаю, Айболит. А может быть...

— Ничего не может быть. Бубал каама! Редчайший экземпляр! И вы, конечно, сгораете от любопытства узнать об этом животном.

Рассказывает кандидат биологических наук Н. В. Лобанов.

Бубал каама. Это красивое необычное животное в родстве с антилопами. Рога у него резко изогнуты назад. Цвет шерсти светло-бурый. А на лбу, голове и ногах темно-бурые полосы.

Когда-то этих животных было много в Южной Африке. Теперь же сохранилось лишь около 1000 каам в национальных парках Калахари — Гемсбок и Аддо — и в резерватах Наталя и Трансвааля.

В 1932 году пару этих животных завезли в Асканию-Нова. Там они размножились, но, к сожалению, все погибли в военные годы.

Бубал каамы, которых вы видите на фотографии, «прописались» в Аскании-Нова в 1969 году. Это единственная пара каам в СССР.

— В таком случае прошу вас, Мюнхгаузен, позволить мне сказать Почемучкам несколько слов.

— Сделайте одолжение, Айболит.

— Не сомневаюсь, что члены Клуба знают наше совершенно обязательное правило: непременно охранять красоту растений и покой животных. Итак, всем ли из вас известно, что вашей помощи ждут муравьи?

— Сейчас, зимой? Вы что-то путаете, Айболит!

— Вот именно зимой. Прошу выслушать и считать обязательным задание кандидата биологических наук Константина Николаевича Благосклонова.

Отчего погибают муравейники?

Случалось ли вам во время зимних прогулок встречать в лесу поврежденные муравейники? Большая дыра уходит глубоко в муравейник, она сквозная, с выходом на другой стороне. Конечно, вы старались заделать эту дыру, опасаясь, и вполне справедливо, что муравьи замерзнут. И пытались выяснить, кто это мог сделать. Человек? Зверь? Но на снегу нет следов. Значит, это птица.

Если повезет, можно застать и ее саму на месте преступления. От скрипа лыж, от разговора вдруг вылетает она из муравейника, вспыхнув на солнце золотом перьев надхвостья. Большая, с галку, почти вся зеленая, с красной шапочкой на голове, а самец еще и с красными «усами». Птица ярко выглядит на белоснежном фоне. Это зеленый дятел.

Несколько лет назад птица была большой редкостью в Подмосковье. В лесу Звенигородской биологической станции за 20 лет ее ни разу не встретили, а в 1970 году здесь гнездились сразу три пары зеленых дятлов. Все дело в том, что за последние годы в здешних лесах стало во много раз больше рыжих муравьев. Много пищи, много зеленых дятлов, для которых муравьи главный, иногда единственный корм.

Но не влияют ли эти птицы существенно на численность рыжих лесных муравьев?

Летом после малоснежной и морозной зимы 1971/72 года юные натуралисты на Звенигородской биологической станции обследовали муравейники. Оказалось, что на каждый нормальный приходилось четыре-пять сильно ослабленных. Муравьев на поверхности таких муравейников было мало, а когда их раскапывали, то под верхним сухим слоем обнаруживали влажный, заплесневелый, без признаков жизни строительный материал. Может быть, муравейник был зимой раскопан дятлом и его залило весенними дождями? Повреждений дятла, конечно, уже нет, оставшиеся муравьи весной сразу же ремонтируют муравейник.

Может быть, виноваты не дятлы, а бесснежная морозная зима или то и другое вместе? Ведь и в предыдущую зиму было много разрытых зелеными дятлами муравейников, а летом мы не находили погибших. А может быть, вообще зеленые дятлы здесь ни при чем? Просто распространилось какое-то заболевание муравьев.

Решить задачу очень важно.

Исследование можно вести так: трижды учесть муравейники на одном и том же маршруте; в начале зимы, ранней весной и в мае — июне. Маршрут учета лучше выбирать по просекам, чтобы не сбиться при повторных обходах. Первый обход — инвентаризация муравейников. При глубоком снеге сделать ее трудно. Учитывать и описывать (размер, состояние) нужно, конечно, все муравейники, нумеровать, либо вбивая рядом колышек с номером, либо ставя номер на ближайшем дереве (мелом, краской). Второй обход делайте ранней весной, пока муравьи не принялись за работу. Теперь нужно установить, какие из муравейников были за зиму повреждены дятлами. И наконец, третий обход, в конце мая — июне, должен показать, что сталось с поврежденными муравейниками. Если муравьев будет мало, нужно раскопать муравейник сбоку, посмотреть, есть ли жизнь в глубине, сухо ли там. Хорошо бы сделать рисунки, фотографии повреждений и того, как насекомые восстанавливают свою постройку.

Результаты наблюдений и свое мнение, почему гибнут некоторые муравейники, пришлите в редакцию. Успешно поработавших ждет приз.

— Следующий рассказ о цапле.

— Но, простите, добрейший Айболит, кого удивит сообщение о столь известной птице, как цапля?

— Позвольте с вами не согласиться, Мюнхгаузен. Уверяю вас, не все Почемучки знают о том, что сейчас расскажет Валентина Михайловна Муцетони.

Жила у нас цапля...

День только занимался, когда наша лодка тихо причалила к одному из островов заповедника. Обогнув сосновый бор и выйдя из-за поворота, мы увидели цаплю. Она стояла на песчаном пляже у воды. Ее голубовато-серый костюм с белой манишкой и черными полосками на шее был великолепен. Изящный хохол из перьев красовался на затылке. Заметив нас, птица замерла, насторожилась, но ненадолго. Чуть присев и пригнув длинную шею, она взмахнула округлыми сильными крыльями и взлетела. Сложив затем шею, словно вобрав голову в плечи, и вытянув ноги назад, она полетела над водохранилищем, медленно взмахивая крыльями.

Глядя, как она удаляется, я вспомнила другую серую цаплю, жившую у нас некоторое время. Ее принесли с поврежденным крылом. Она облюбовала себе в комнате угол и оттуда рассматривала всех янтарно-желтыми глазами. Перед ней стоял таз с водой. В него мы бросали мелко нарезанную сырую рыбу. Стоило подойти к тазу, как злая птица норовила попасть клювом по руке, а еще лучше — в глаз.

Клюв цапли — длинный, крепкий, очень острый, словно мастерски заточенный на оселке, — опасное оружие. И действует им цапля с поразительной точностью и быстротой. Стремительное движение длинной шеи — и я отдергиваю раненый палец. В другом конце комнаты, в ящике из-под макарон, жили два лисенка. Они давно освоили комнату и все в ней. Цапля, вдруг поселившаяся в углу, вызвала у них живейший интерес. Добродушные зверенмыши пытались завязать знакомство с птицей, но каждый раз с воплем убегали в свой ящик, получив удар клювом по голове.

Неожиданно выяснилось, что и на злодейку есть управа. Оказалось, что она очень боится ежей. Если какой-либо из наших ежей оказывался около цапли, она начинала диковато озираться и громко кричать, не делая при этом попыток ударить ежа. Лисята ни разу не пропустили случая полюбоваться на это зрелище и прибегали, как только слышали вопли птицы. Прибегала и соседка по квартире узнать, что происходит и почему такой шум.

Летом цапля жила в пионерском лагере. Ее хозяином стала Таня. Каждый день она брала птицу на руки и несла ее на болотце. Кто-нибудь из ребят придерживал при этом коварный клюв, чтобы не остаться без глаза, а кто-нибудь нес длинный поводок, прикрепленный к ноге птицы. Цапля, должно быть, любила эти прогулки, на болотце она ловила лягушат и пробовала летать.

За лето цапля подобрела, но совершенно ручной не стала. Поэтому, уезжая из лагеря, мы выпустили ее на свободу.

— А вот и вопросы. Их задают ваши друзья — Почемучки.

Могут ли рыбы простудиться?

РИТА НИКОЗИНА

г. Архангельск

У нас на Черном море есть ракушки. Называют их мидии. Мы часто спорим с ребятами: будет ли жить мидия, если ее оторвать от насиженного места?

КОЛЯ ВЕТРЕНКО

г. Сочи

— А теперь прощайте, друзья! До новых встреч в новом году! И предупреждаю вас, не пытайтесь угадать, какие сюрпризы приготовит вам в новом году ваш Клуб Почемучек.

Но я подскажу, что необходимо делать. Внимательно читать журнал «Юный натуралист»! Уверяю вас. А вы знаете: слова Мюнхгаузена — истинная правда.

ДОРОГИЕ ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ, ГОТОВЬТЕСЬ К ЗИМНЕМУ СЕЗОНУ!

В МАГАЗИНАХ СПОРТИВНЫХ ТОВАРОВ ИМЕЕТСЯ БОЛЬШОЙ ВЫБОР КОНЬКОВ БЕГОВЫХ, ХОККЕЙНЫХ И ДЕТСКИХ («снегурочки», «снежок», двухполозные и т. д.). Здесь же вы можете купить чехлы для коньков.

Занимайтесь зимними видами спорта. Это укрепит ваше здоровье, закалит организм, создаст отличное настроение!

Центральная база спорттоваров
РОСКУЛЬТТОРГА

Лужежитель из Танганьики

Восточное побережье Африки. Двадцатый градус южной широты. Вечное лето. Вблизи берега горы. Бегут тучи с Индийского океана, наталкиваются на горы и изливают влагу на узкую береговую полосу. Полгода на побережье сыро. То океан захлестнет болота волной, то, наоборот, после ливня вода опресняется. Но проходит период дождей — и солнце над головой. Па́рить начинают болота. Очень скоро они уже сухие...

В этих условиях обитает одна из любопытнейших рыб — нотобранхиус. Этот житель пересыхающих луж есть и в наших аквариумах. На фотографиях нотобранхиусы Рахова и Гюнтера — так они названы в честь биологов начала нашего века. По условиям жизни в природе и в аквариуме они одинаковы. Я буду описывать нотобранхиуса Гюнтера, поскольку он стал для меня близким другом.

Не правда ли, красив нотобранхиус? А бывают еще и другие. Тело иссиня-синее, а хвост бордовый. Или с высоким спинным плавником. Или с поперечными красными полосами по предхвостью. Откуда такое разнообразие внутри одного вида? В разных лужах нотобранхиусы разные. Но бывают периоды наводнений, когда лужи сливаются и их население смешивается. К нам попали очень сложные гибриды.

Увы, все эти красоты относятся лишь к самцам. Что же касается прекрасного пола, то он прекрасен лишь с точки зрения нотобранхиусов, а в общем-то самка серенькая.

Первые мои нотобранхиусы удивили меня своей глупостью. Гуппи и меченосцы, данио и барбусы — все аквариумные рыбы берут корм из рук, а от сачка удирают. Эти же запросто давали себя ловить, будто у них в природе врагов нет и не приучены они спасаться. Но вырастил я мальков — и мнения изменились: очень ловко, оказывается, нотобранхиусы и удирают, и прячутся. Разгадка проста: нотобранхиусы, живущие в маленьких банках — а именно так живет нерестящаяся пара, — очень быстро приручаются. Их даже можно гладить пальцем по голове и спинке, а они бочком поворачиваются: погладь тут. Знают: не принесет человек им вреда.

Жизнь нотобранхиуса коротка — вода в лужах всего держится от трех до шести месяцев. За это время надо не только вырасти, но и наплодить тьму икры — ведь только икра переживает сухое время. Ролоф, ловивший рыбешек в природе, описывает лужи, где рыбы уже не могли плавать, лишь на боку лежали. А когда высыхала вода, они превращались в мумии под палящим солнцем.

Спеша жить, рыбешки много едят: в три раза больше, чем гуппи и меченосцы тех же размеров. Уже в полтора месяца, двух-, трехсантиметровые, начинают они размножаться, а взрослая пятисантиметровая самка мечет ежедневно от 50 до 90 икринок. Только подавай живой корм — на неживой рыбки не обращают внимания.

Самое удивительное у нотобранхиусов — икра. Начать с того, что в сухое время по ней ходят не только люди. Скот топчет ее копытами. Оболочка до того плотная, что немецкий биолог Николас Петерс-младший ухитрялся на миллиметровую икринку нагрузить полтора килограмма — и хоть бы что!

Развивается эта икра так же, как и у всех других костистых рыб. Но... Вот это-то «но» и привлекло к икре внимание исследователей. Очень уж долго она развивается и очень поразному. Самый короткий срок, за который удавалось получить мальков, — 17 дней. А самый длинный — больше 8 месяцев. Откуда такие различия и как хватает икринке запаса питательных веществ? Попробуем разобраться.

Под лупой, увеличивающей в 8—16 раз, легко отличить оплодотворенные икринки от неоплодотворенных. У первых оболочка кажется двойной: за плотной кожицей кольцо прозрачной жидкости, в ней плавает желток. Четко заметны одна или несколько жировых капель. Это резервный запас: развиваясь, зародыш первым расходует желток, капли же попадают к мальку в брюшко, и если горемыке-рыбешке приходится лежать долгое время, поджидая дожди, жир постепенно рассасывается.

Под лупой легко проследить начало развития. Две первые клетки, два, как говорят эмбриологи, бластомера, прозевать невозможно. Это довольно крупные шарики. Они выглядят беловатыми и лежат с краю, частично в желтке, частично в окружающей его жидкости. Затем эти два бластомера делятся — и вот уже их четыре, восемь, шестнадцать... Вскоре зародыш похож на малину — это шарик из мелких шариков. В следующей стадии уже заметна свойственная живому упорядоченность: шарики выстраиваются в один слой, образуя внутри замкнутое пространство.

Но самое интересное начинается дальше. Под лупой все исчезает. Как будто бы не было развития, будто икринка только что выметана. Конечно, на деле ничего не исчезло. Просто вместо лупы нужны микроскоп и специальные методы исследования. Нам же интересно отметить, что на этой стадии происходит из ряда вон выходящее, свойственное только нотобранхиусу и его близким родичам, — первая задержка развития. При 20 градусах она длится в воде 16 дней, при 17 — много дольше. Если же икру поместить на воздух, в так называемую влажную камеру, задержка сокращается при 20 градусах до 10 дней.

Во время задержки икра особенно стойкая. Она выносит и 5 градусов и 39, она даже в растворе такого страшного яда, как цианистый калий, превосходно выживает. Не убивают икру и грязнейшая вода, и соли, и миллионы бактерий или простейших. Все это может только продлить задержку.

А можно и миновать эту задержку. Для этого достаточно поместить икру в чистую воду при 24 градусах. Любопытно, что задержка также снимается, если икру поставить на сутки в холодильник при 4—5 градусах.

После первой задержки в зародыше закладывается осевой зачаток. Сняв оболочку с икринки, легко даже под лупой рассмотреть зачатки мускулатуры и скелета, а также нервную трубку с головным концом.

И вот тут-то нотобранхиуса подстерегает вторая задержка. Она связана с нехваткой кислорода. В загрязненной воде природных водоемов она длится, очевидно, долго, пока лужа не высохнет.

Икринкам, которые миновали вторую задержку, открыт зеленый светофор.

Любители наблюдений смогут вскоре заметить под лупой два шара — зачатки глаз. Аккуратно поворачивая икринку, можно обнаружить пульсирующую каплю крови — сердце.

Окрашивание малька начинается с глаз. А когда уже и хвостик окрасится, малек, если икринку внезапно потрогать, шевелит глазами, а то и переворачивается в оболочке. Тут уж и финиш близок, но на пути к нему еще одна задержка перед вылуплением. Чтобы малек освободился из оболочки, нужны дождь, вода.

Так живет эта маленькая рыбка в лужах на побережье Танганьики. Но как ее устроить в аквариуме?

Нотобранхиус уживается в любой компании, лишь бы его не трогали, а он никого не тронет. Вода должна быть чистой и не очень жесткой. Там, где водопроводная вода артезианская, нужно добавлять в аквариум хотя бы половину дистиллированной или дождевой.

Иное дело — нерест. Тут нужна стеклянная или из оргстекла банка объемом от трех литров. Вот рецепт воды, подходящий для всех городов: подлейте в дистиллированную воду стакан водопроводной и добавьте на каждые пять литров чайную ложку соли без верха. Смесь должна отстаиваться не меньше недели.

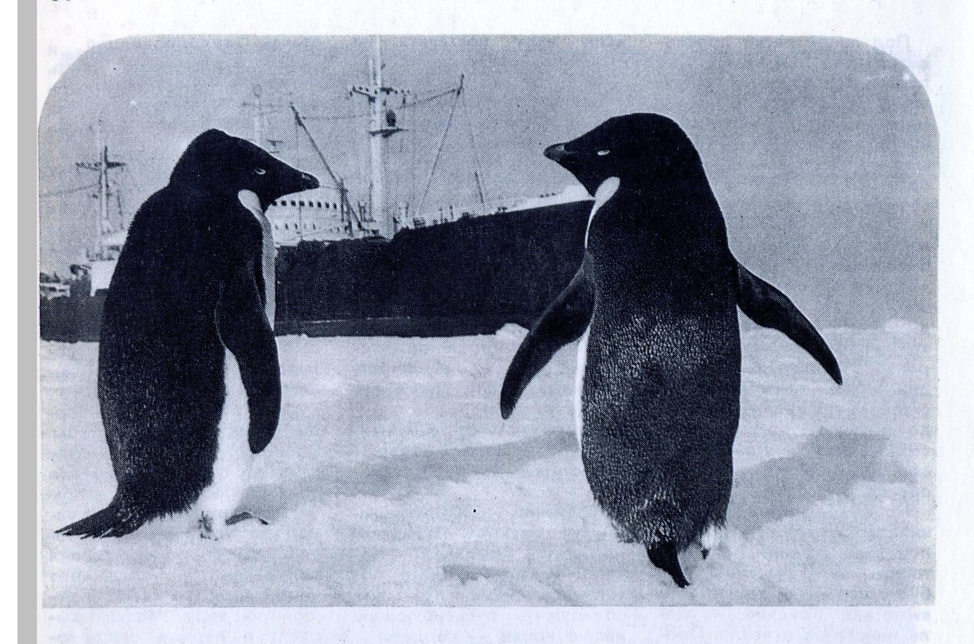
В аквариум или банку опускается широкая стеклянная или фарфоровая плошка с насыпанной в нее прокипяченной торфяной крошкой. Сюда рыбы будут метать икру. В центре плошки надо закрепить кустик растения. Кормить рыб на нересте нужно мотылем, трубочниками, энхитреями.

Дней через 10—12 в торфе будет уже много икры. Плошку вынимают, воду сливают, и торф немного подсушивают. Затем, чтобы он не пересох, плошку закрывают стеклом. Там создадутся хорошие условия для развития икры. Через месяц торф опускают в отстойную воду. Мальки выходят в первые шесть-восемь часов. Их нужно высадить ложкой в аквариум с отстойной мягкой водой.

В первые дни мальки едят живую пыль, инфузорий, микрочервей. Затем и более крупный корм. Лучшая температура для этих рыб — 20—25 градусов.

В описанных условиях, казалось бы, все мальки должны вызреть и вылупиться одновременно. Но представьте, что в Танганьике прошел дождь и залил водоемы во время сухого периода. Такое случается. Лужи наполняются водой на несколько дней, потом снова пересыхают. Если бы вылуплялись все нотобранхиусы, вид нацело вымер бы. Этого не происходит. Можете убедиться на опыте. Соберите торф, из которого вылупились мальки, слейте воду и снова поставьте торф на две-три недели под стеклянную крышку. Когда вы вновь его опустите в воду, вылупится очередная партия мальков.

Ф. ПОЛКАНОВ

В ПИНГВИНЬЕМ ЦАРСТВЕ

Историю эту рассказал мне большой друг, полярный летчик Костя Михаленко, побывавший на южнополярной обсерватории Мирный в Антарктиде. Вот сама история.

Ребята из моего экипажа занялись заправкой самолета, а я, пользуясь коротким перерывом в работе, решил посмотреть колонию императорских пингвинов, о которых много слышал.

Колония рядом с Мирным. Я обошел несколько небольших островков и направился вдоль изумрудной стены вмерзшего в прибрежный лед айсберга. По пологому скату забрался на его вершину. Внизу открылась долина, зажатая полукольцом ледяных скал, сверкающих в лучах низкого солнца искрами драгоценных камней. Между скалами в голубой тени топтались тысячи птенцов императорских пингвинов, и над их сплошной серой массой кое-где возвышались элегантные в своих черных «фраках» родители.

Стараясь не спугнуть забавных птиц, я спустился с айсберга и сел на снег. Опасения оказались напрасными: пингвины меня не испугались. Наоборот! От толпы отделилась пара плюшевых детишек и неторопливой, валкой походкой направилась ко мне с явным намерением познакомиться. Что ж, для этого я и пришел. Уже взведен затвор фотоаппарата, осталось лишь нажать спуск и запечатлеть на пленку новых знакомых.

Но что в это мгновение произошло в пингвиньем стаде? Почему они все сразу пришли в движение и подняли такой шум?

До этого случая мне никогда не приходилось задумываться над тем, что такое смелость, а тут... Честно признаюсь, появилось непреодолимое желание вскочить на ноги и бежать.

Но вот крик прекратился. В угрожающем молчании ко мне повернулись головы всех обитателей долины, и пингвины стали медленно ко мне приближаться. Подковыливают все ближе и ближе. В сознании пронеслось: «А вдруг все стадо бросится на меня? От тысячи клювов не спрячешься. Что делать?..»

Я сжал зубы и решил ждать. Ждать до последнего момента. В юности я хорошо бегал, слыл неплохим спринтером.

Первая пара птенцов, так похожих на плюшевых игрушечных пингвинят, остановилась у моих ног. Птенцы уставились на меня черными, без всякого выражения глазами, потом потрогали клювами подошвы сапог и придвинулись ближе, как бы приваливаясь своими тушками к моим ногам. В это самое время от стада отделился внимательный наблюдатель — взрослый пингвин. Торопливо подошел, толкнул пингвинят муаровым брюшком, грозно щелкнул клювом в мою сторону. А потом растопырил крылья и, действуя ими, как руками, шлепками погнал обоих детишек в стадо.

Я облегченно вздохнул и рассмеялся. Пингвин остановился, повернул ко мне голову. Я засмеялся громче. Пингвин прищелкнул клювом. Видимо, он грозил мне.

А я хохотал. Пингвин недоуменно разводил крыльями, шипел и каркал. Возмущаясь, он не забывал свое дело — гнал прочь от меня пингвинят в сторону колонии. Я пошел следом за троицей.

Над стадом снова повис гам с редкими всплесками отдельных голосов, похожих то на воркование голубей, то на первое неумелое «кукареку» молодого петуха, то на жалобное уханье филина. Стадо жило своей жизнью и не обращало, казалось, на меня никакого внимания.

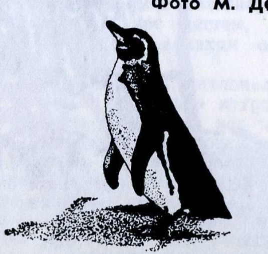
Я подошел к колонии. И сразу же мои любопытные пингвинята уткнули носы между пушистыми боками таких же плюшевых малышей, сидящих в большом кругу. По-видимому, им уже полагался «мертвый час». Зато другим подошло время обеда. Они ковыляли за взрослыми, орали истошными голосами и теребили их своими маленькими клювами.

Я спускаюсь в долину, иду между пингвинами. Одни уступают дорогу, другие притворяются спящими или в самом деле спят. Обхожу их, приближаюсь к малышу. Мамаша, а может и отец, отступает на свой короткий шаг и щелкает клювом. Но мне теперь совсем не страшно. Подхожу к ним ближе. Мамаша-пингвиниха теребит своего наследника за пушистый загривок. Тот лениво открывает глаза и тут же прячет голову в мягкие складки родительского плюша. Я поднимаю его на руки. Беру маму за ласт, как за руку, и мы шагаем по утоптанному талому снегу.

Мама важно переступает с лапы на лапу, гордо поглядывая по сторонам. Прижатый к груди, спит у меня на руке пингвиненок.

В. НИКОЛАЕВ

Фото М. Демидова

СТАРЫЙ РУСАК

Тихо. Лес весь в снегу, весь в кружевах, на каждой веточке — бугорок снега, каждая веточка согнулась от тяжести этого бугорка, а внизу — пуховая перинка, на ней ясные отпечатки лапок.

Чьих лапок? Мыши, белки, тетерева набродили по свежей пороше. Заячьих следов мало: заяц боится печатать свой след по пороше. Лучше денек пролежать под елкой. Вышли на кормежку только молодые, неопытные зайцы и то потоптались немного около опушки в сухом бурьяне, да скорей, сделав несколько скидок, легли мордочкой на свой след.

В лесу взвизгнула Румянка... еще разок — и замолчала.

Это она разбирается в запутанных заячьих следах и дает знать, что у нее дело налаживается и где-то близко лежит заяц, близко лежит... Вот только надо разобраться в его следах и...

Но заяц лежит крепко и хотя слышит, как собака бегает по его следам, но с лежки не соскакивает. Поднял уши, весь подобрался, с лапки на лапку переступает, а вскочить и помчаться не решается. Зайцу видна Румянка — вон она там по кустам кружит.

Бежать? Нет, подожду — может, и не найдет. Подожду еще...

Заяц хорошо запутал следы. Он два раза прошел по своему следу, два раза с двойного следа сделал большие прыжки в сторону, в куст. Разберется ли Румянка? Зорко смотрит русак, как она разбирается,— все ближе, все ближе... очень близко... Большой прыжок! Серенький комочек покатил между кустами. Румянка отчаянно залилась визгливым лаем, на ее голос тоже с визгом мчится Найда. Обе собаки, азартно заливаясь, сделали большой круг и закружились, запутались в Ереминских вырубках. В тихом воздухе ясно слышны их растерянные вопли. Потом Найда повернула обратно и замолкла на Коняйковом поле, а Румянка вышла на большую дорогу и, изредка подавая голос, старается разобраться в следах на затоптанной, занавоженной дороге.

Трудно учуять слабый, почти неуловимый запах от легких лапок русака на свежем снегу, а уж на дороге... А тут еще прошел какой-то мужик в валенках. Он шел из большого молочного хозяйства, где заходил на скотный двор, и при входе туда наступил на пропитанный карболкой половичок, и теперь его валенки оставляли зловонный след.

Румянка, высоко подымая голову, чтобы меньше нюхать карболку, бежала по дороге, поворачивая мордочку то направо, то налево и зорко приглядываясь, куда метнулся с дороги русак.

Но русак был опытный, старый заяц и прекрасно знал, что занавоженная дорога — самый лучший козырь в этой игре с гончей собакой, но он знал и то, что пачкать лапки навозом тоже нельзя, и старался бежать по скользкому следу от санного полоза. Скользкому и сравнительно чистому.

Он пробежал по дороге версты две или три и только тогда, когда рядом стали попадаться кустики, сделал большой прыжок через куст и замелькал между редкими елочками. Скоро он добрался до прясла и заковылял рядом с ним к овинам и сараям села Хомякова. Возле одного сарая наткнулся на старуху. Она на спине тащила большую корзину сена. Русак не боялся женщин и только чуть посторонился с ее дороги и тут же сел, внимательно посмотрел на старуху и не торопясь запрыгал дальше. Он был уверен, что собака давно потеряла его след, и уже собрался, сделав две-три скидки, тут же, в этих овинах и сараях, лечь и пролежать до вечерней зари. Он хотел уже... но в этот момент услышал далеко, в стороне дороги, заливистый гон Румянки.

Она нашла его скидку.

Не помогла и занавоженная дорога, не помог и куст, в который прыгнул с дороги русак, не помогли русачьи уловки.

Пробежав вдоль сараев и овинов, русак вышел на торную дорогу. По дороге двигался обоз с дровами. Визжал морозный снег под полозьями, скрипели дровни, фыркали лошади, мужики кучей шли у заднего воза и громко разговаривали.

Зайцу пахнуло в нос дегтем, лошадиным потом и сладким запахом осиновых дров.

Мужики увидели зайца, захлопали рукавицами, закричали «тю, тю!» и громко засвистели. Откуда-то из-под ног лошадей вывернулась лохматая собачонка и бросилась за русаком. Он покосился на собачонку и немного прибавил ходу.

Заяц не боялся дворняжек.

В поле дул ветерок, и по снегу перебегали струйки морозной пыли, заметая след.

Когда заяц добрался до старого елового леса, ветерок разгулялся уже не на шутку. Он раскачивал вершины елей, и с их мохнатых лап падали комья снега. В воздухе они рассыпались в пыль и белым облачком опускались на землю. Ветерок заботливо заметал все следы. Так же старательно он замел в поле и след нашего русака. Никакая гончая не найдет. Судьба сжалилась над русаком, и теперь он может спокойно лечь вон в том овраге под вывороченным корнем.

Но русак осторожен. Перед тем как лечь он, конечно, сделает два-три раза скидку и ляжет головой на свой след. Ляжет и заснет с открытыми глазами, чутко прислушиваясь к звукам леса.

Пожелаем ему покойного сна и тишины в глухом, заснеженном лесу.

А. КОМАРОВ

ЧИВИКА СМИРНОВА

Трудно было поверить, чтобы ласточка — свободолюбивая, стремительная птица — стала ручной, признала своим домом цветочный куст на окне квартиры Смирновых в деревне Тренино Кадыйского района. Больше того — она летала со Смирновым в лес по ягоды, на сенокос и отзывалась, если ей кричали «Чивика».

Я много слышал о ручных воронах, грачах, попугаях, орлах... Но о ласточке — никогда! И поэтому очень захотелось узнать подробности этой удивительной истории.

Вот что рассказал мне Василий Иванович Смирнов, в доме которого прижилась ласточка.

Однажды его двенадцатилетняя дочурка принесла в комнату неоперившегося птенца. Не миновать бы ему когтистых кошачьих лап, если бы вовремя не подобрали малыша добрые люди.

Как только птенец пришел в себя после переселения на новую квартиру, тотчас проявил свой неугомонный характер. Во-первых, он приложил все свое старание и

умение, чтобы выбраться из картонной коробки, куда был определен на жительство. А когда это ему не удалось — потребовал еду! Поймали мошку, комара, муху... Эта подачка только разожгла аппетит малыша. Непросто оказалось накормить его: чем больше исчезало в его миниатюрном чреве насекомых, тем шире разевал он рот.

— Ну, попала ты, дочка, в историю: теперь только и дела у тебя будет — ловить мошкару, — сокрушенно вздыхал отец.

Чтобы удовлетворить запросы птенца «в хлебе насущном», пришлось Смирновым организовать на отлов мошек и мух детвору соседних домов. Вот тогда-то и узнали ребята на собственном опыте, как трудно приходится ласточкам-родителям прокормить свой выводок. Тут с одним-то запарились!

Поили птенца вначале необычным образом: из пипетки воду закапывали в клюв — кто-то из знатоков посоветовал. Ну а когда малец подрос, сам научился пить из блюдечка. Напьется — и бултых в посудину освежиться.

Утром первой в доме просыпалась птица. Чуть рассветет — она уже «на ногах» — подавай ей завтрак. Ласточке дела нет, что хозяевам еще поспать хочется. Сядет на плечо то одному, то другому спящему и клювом тюк-тюк: подъем! Хозяева сердятся для порядка:

— Отстань, побирушка!

Нет, не отстанет. Вынь да положь ей пяток-десяток мух!

Но вот настало время возмужавшему, окрепшему птенцу покидать гостеприимный кров. Летать и ловить мух научился он мастерски — теперь не пропадет. Вынесла девочка птенца во двор, разжала ладони — лети! И ласточка улетела...

Каково же было удивление и радость Смирновых, когда под вечер птица вернулась. Влетела в открытое окно, уселась на стол, за которым ужинала семья, и громким писком потребовала своей доли.

Вот так и прописалась в постоянное место жительства в квартире Смирновых ласточка. Ей и имя дали — Чивика. И фамилию — Смирнова. Вся деревня так ее и величала — Чивика Смирнова.

До чего же доверчивая была птица! Людей совершенно не боялась, потому что видела от них только добро. Крикнет ей любой: «Чивика!» И она тотчас садится ему на ладонь. Помашет крыльями, пощебечет — вроде как поприветствует. Знает, плутовка, что за это непременно перепадет ей угощение.

Вначале избегала Чивика встреч с другими ласточками. И смотреть на них не хотела. Поднесут ее, бывало, к зеркалу. Глянет она на свое отражение, нахохлится и хвостом к нему поворачивается. Девчата хохочут... Но природа брала свое. Появились у Чивики друзья из ее племени. Стала она прилетать в дом Смирновых все реже и реже. Скучали по ней хозяева. Да и как же иначе: два месяца «бок о бок» прожили.

Вечером за ужином уж кто-нибудь обязательно с грустью заметит:

— Сегодня опять не прилетела к нам Чивика.

Дочка в слезы.

— Ну что же делать-то? — успокаивает ее отец. — Ты вот тоже вырастешь большая и упорхнешь из нашего гнезда.

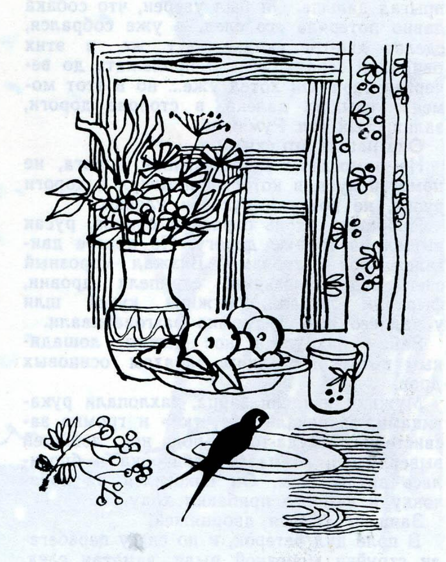
— Так я все равно приезжать к вам буду... каждое лето.

Тут и бабка не выдержит, свое резюме вставит:

— Ты себя с ней не ровняй. Она пернатое существо — в ней мозгов с горошину. Нешто понять ей, как тут из-за нее убиваются.

А уж когда прилетит Чивика, радости у всех в доме — будто праздник. Первая забота — угостить. Только теперь у ласточки не было уж того аппетита — видно, появились другие заботы. Возьмет пару мух для приличия, помашет крыльями и в окно.

В. ПАШИН

ИТОГИ НАШЕГО КОНКУРСА

Почти десять тысяч работ поступило на конкурс «Родник» в этом году. Жюри благодарит всех, кто прислал свои стихи, рассказы, рисунки, гравюры.

Сколько радости доставляет знакомство с вашим творчеством, ребята! Описания родного края, интересные наблюдения за повадками животных, забавные случаи из жизни четвероногих воспитанников — вот основные темы, которые преобладают в письмах юных авторов. А рисунки и гравюры! В них и детская неподдельная радость, и очарование красотой природы, и стремление цветом и рисунком выразить собственное восприятие окружающего мира!

Словом, во многих работах чувствуется настоящий накал истинного творчества. И это похвально.

Жюри конкурса подвело итоги 1972 года. Премии конкурса «Родник-72» присуждены;

Лене Корытовой (г. Киров) за рассказ «У меня живет волчонок» (№ 1);

Марине Ларионовой (Москва) за рисунок «Снеговик уснул» (№ 1);

Наде Маклаковой (Вологодская область) за рисунок «Ливень» (№ 7);

Егидлюсу Намаюшке (Литовская ССР) за рисунок «Кактус на окне» (№ 4);

Вере Пустоход (г. Архангельск) за рисунок «Рябиновый завтрак» (№ 3);

Игорю Селезневу (Москва) за стихотворение «Сосна» (№ 4);

Люде Стекловой (Сахалинская область) за стихотворение «Почему голубой Сахалин» (№ 7);

Вере Степановой (Новосибирская область) за стихотворение «Ручей» (№ 11);

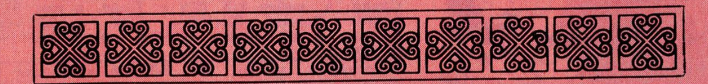
Лене Тютеревой (Ленинград) за рисунок «Ночь» (№ 5);

Ире Шеяновой (г. Витебск) за стихотворение «Косарь» (№ 11);

Тане Шипиловой (Херсонская область) за рассказ «Напевы моря» (№ 4).

Редакция поздравляет юных авторов и желает им дальнейших творческих успехов. Конкурс «Родник» продолжается.

Но, к сожалению, не все ребята правильно понимают условия конкурса. Поэтому почта приносит в адрес жюри письма иного рода. Некоторые участники присылают далеко не оригинальные работы: переписывают стихи взрослых поэтов, переводят через кальку репродукции из журналов и календарей. Этого делать нельзя.

«НОЧЬ». **Гера Шмельков**
Пензенская область

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

На первой странице обложки — фотоэтюд В. Опалина «Зима пришла».

Главный редактор А. А. ВИНОГРАДОВ

Редколлегия: Булгаков Л. Н., Корчагина В. А., Клумов С. К., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков

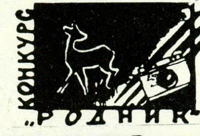
Художественный редактор **А. А. Тюрин**
Технический редактор **Г. В. Каплан**

Сдано в набор 3/X 1972 г. Подп. к печ. 31/X 1972 г. А01310. Формат 70×108 1/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2 000 000 экз. Заказ 1943. Цена 20 коп.

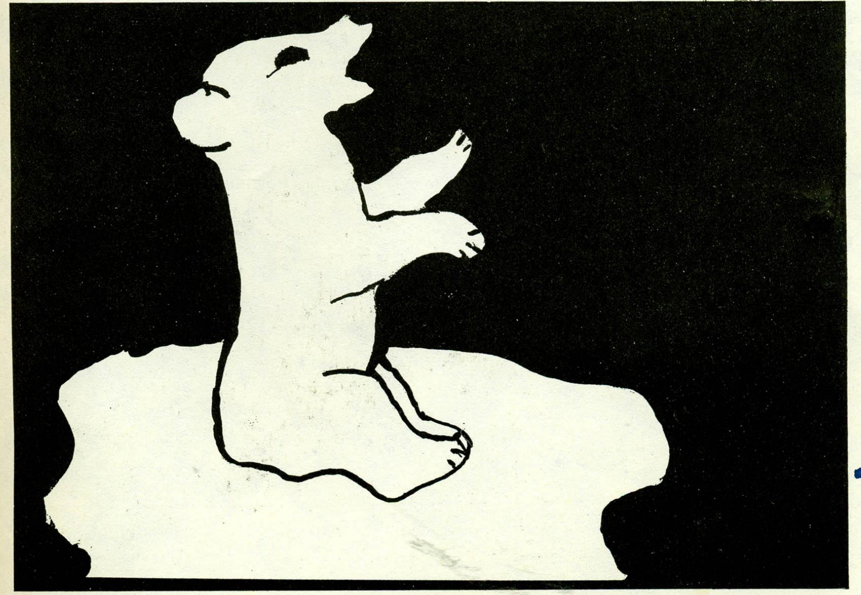
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

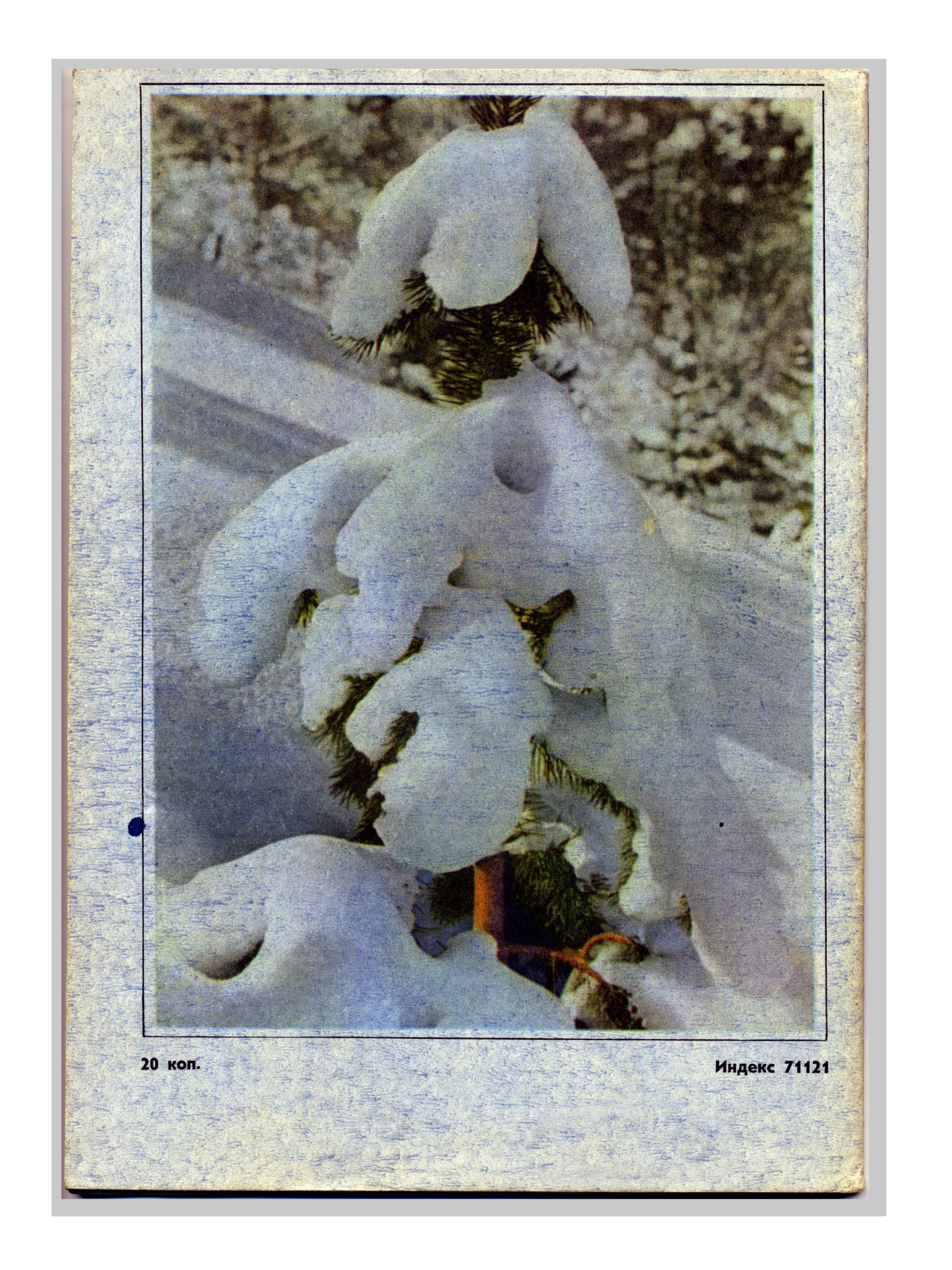

«ЛОСИ». **Саша Михайлов**
Москва

«ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ». **Ира Перфильева**
г. Пермь

20 коп.

Индекс 71121